

Зарубежная

фантастика

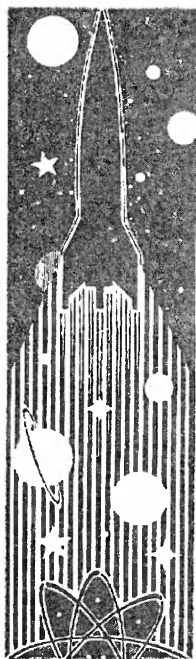
Айзек Азимов
КОНЕЦ ВЕЧНОСТИ

Айзек Азимов

КОНЕЦ ВЕЧНОСТИ

Перевод К. Сташевски

Из тиража 30
экземпляров
ваша книга №

00

Isaac Raimov

Зарубежная

фантастика

Айзек Азимов Конец Вечности

Повесть
Перевод К. Сташевски

Калининград «Глобус» 2002

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7США)-44

А 51

В январе 1986 года в Даблдэй вышел сборник, для которого Азимов решил собрать под одной обложкой оригинальные, ранее неопубликованные версии трех своих произведений: первый вариант романа *Песчинка в небе* (1950); повесть *Конец вечности* 1954 года из которой вырос роман *Конец Вечности* (1955), и две редакции рассказа *Вера* (1953).

Существенные, интересные отличия с известным текстом ожидают читателя в повести *Конец Вечности*, которая предлагается в этом русском издании.

Предисловие

Этот роман, в числе прочих, вырос из более короткой версии. В данном, втором для меня случае, переделки оказались более существенными, чем в ситуации с *Камешком в небе*, который превосходит по объему свою первоначальную версию, *Старей со мною вместе* (*Grow Old Along with Me*), лишь в 1,4 раза, в то время как *Конец Вечности* в романном варианте аж втрое толще повести, из которой возник.

И вот как это случилось...

Шел 1953 год. Прошло почти четыре года с момента выхода в свет моей первой книги, *Камешка в небе*. С тех пор я опубликовал еще восемь книг, в том числе учебник по биохимии, и в целом, следовательно, их стало девять. Десятая книга, *Лакки Старр и пираты астероидов* (Doubleday, 1953), готовилась к изданию, а одиннадцатая, *Стальные пещеры* (Doubleday, 1954), печаталась выпусками в

Galaxy, но для нее уже был запланирован выход отдельным томом.

На том раннем этапе я писал в среднем по три книги в год — не так много по моим среднестатистическим параметрам, но в ту пору у меня не хватало времени на литературу. За полгода до публикации *Камешка в небе* я начал преподавать на медицинском факультете Бостонского университета. В 1951-м я получил должность адъюнкт-профессора биохимии, продолжая пребывать во мнении, что этим и буду заниматься, а литература — просто хобби. Все же я продолжал писать, когда находил для этого свободную минуту.

Время от времени я посещал университетскую библиотеку, расположенную в главном здании университетского городка (в те дни там еще не обрелся доктор Готлиб, собиратель моих черновиков), и так получилось, что 17 ноября 1953-го, бродя среди стеллажей, я наткнулся на полку, заставленную переплетенными годовыми подборками журнала Time.

Я взялся аккуратно перелистывать ранние номера и, само собой, поразился, насколько умней авторов журнала я себя чувствую. Их тщательно культивируемый стиль всезнаек выглядел забавным, ведь у меня было преимущество в знаниях. Я без особой

надежды обратился к библиотекарям с просьбой взять на дом эту подборку. И выяснил, что у преподавателей есть исключительная привилегия. Им разрешалось уносить домой эти тома, а студентам — нет.

Я немедленно полез за первым томом подборки (содержавшим выпуски за первую половину 1928-го) и взялся его изучать. Почти год у меня ушел на то, чтобы проработать все тома, и библиотекари дали мне полушутливую, полууважительную кличку *Профессор времени*.

Все это я проделал скорее прихоти ради, потакая первоначальному импульсу. Но не только. В одном из ранних томов я заметил рисунок: заштрихованный фон небольшого рекламного объявления. Я увидел его краем глаза, и мне вдруг показалось, что на этом фоне изображено хорошо знакомое нам ныне грибовидное облако взрыва атомной бомбы.

Я удивился: том журнала, с которым я работал, вышел в свет лет за пятнадцать до Хиросимы. Я пригляделся внимательнее. Но то был лишь гейзер Йеллоустоунского национального парка, известный под прозвищем *Безотказный старичок*

¹ Time — время (англ.), можно понять и как *профессор Time*, по названию журнала.

(*Old Faithful*), а в тексте объявления не оказалось ничего примечательного.

Но какой был бы с меня прок как от автора НФ, не умей я извлекать пользу из подобных странностей?

Меня часто спрашивали, откуда у меня берутся все эти безумные идеи. Стоило бы разок ответить:

— Из старых выпусков журнала Time.

А что, если бы объявление и впрямь оказалось тем, чем я посчитал его впервые: изображением атомного взрыва? Что, если бы слова рекламы содержали завуалированный намек на истинную природу картинки? Если так, то как оно могло там оказаться? И зачем его туда поместили?

Ясное дело, к этому имели бы какое-нибудь отношение путешествия во времени. Меня сразу увлекла такая мысль: я еще ни разу не сочинял ничего крупного, что касалось бы путешествий во времени.

И вот 7 декабря 1953 года я начал работу над повестью, которую назвал *Конец Вечности*.

Когда 6 февраля 1954-го я закончил, то, насчитав 25 000 слов, остался ею весьма доволен и тут же отправил в Galaxy.

9 февраля мне позвонил Хорас Голд. Его отказ был решительным. Он согласен был обсуждать редактуру, но лишь при условии, что я сохраню одно только название, а повесть полностью переделаю. Я категорически отверг его условия, и с тем разговор окончился.

Мне показалось, что стоит еще попробовать в Astounding, но я передумал. Я уже не помню, почему, и в дневнике нет указаний на причину. (Я неоднократно замечал, что в моих дневниках вообще почти нет записей о неприятностях. Таким образом, дневник мой способен произвести ошибочное, хотя и вроде бы подкрепленное фактами, впечатление, будто жизнь моя протекала совершенно счастливо. Впрочем, она и без того достаточно счастливая, и жаловаться я не думаю.)

Возможно (это я сейчас предполагаю), тот телефонный разговор с Голдом натолкнул меня на мысль, что в повести чересчур много всего намешано, и у меня в руках, по существу, сублимат романа. Поскольку в Doubleday уже опубликовали четыре моих романа и готовили к изданию еще два, я чувствовал себя их постоянным автором, у которого есть свои особые права. Мне показалось разумным передать повесть Уолтеру Брэдбери, чтобы он ее

прочел и дал совет, стоит переделывать ее в роман или нет.

17 марта 1954-го, находясь в Нью-Йорке, я оставил повесть для Брэдбери, который встретил мою идею радушно. Я не ошибся: Брэдбери согласился, что это неплохая основа для романа, и уже 7 апреля позвонил сообщить, что контракт готовится.

Я подписал договор 21 апреля и столкнулся с необходимостью увеличивать объем повести втрое. На это у меня ушло ровно полгода, и 5 декабря 1954-го работа была выполнена. На следующей неделе я послал рукопись в Doubleday, а 4 августа 1955-го получил авторский экземпляр.

Перед вами исходная повесть, из которой я стал роман.

1

Секция Вечности, отведенная 575-му столетию, ориентируется на вещественные технологии. Энергетических вихрей 300-х уже нет, полевой динамики 600-х еще нет. На всем двадцатитысячелетнем протяжении от первых до последних веществом пользуются для всего, от стен до сковородок. Ни одно из зарегистрированных изменений Реальности не изменило этого. Для Вечности энергетическая ориентация всегда составляла некое исключение.

Однако нельзя сказать, что Бринсли Шеридан Купер, уроженец 28-го столетия, также вещественно-ориентированного, чувствовал себя в своей тарелке, войдя в приемную, на другом конце которой имелась прозрачная дверь, и неопределенность за этой дверью отделяла его от 575-го. В конце концов, использование вещества также подчинено моде. Жителям энергетических веков вещество кажется одинаково безыскусным, грубым, тяжелым, варвар-

ским материалом, чем бы оно ни выступало на самом деле. Обитателям вещественных свойственно различать дерево, металл (тяжелый и легкий), пластик, силикаты, бетон и кожу — в бесчисленных разновидностях и сочетаниях.

Купера, который родился в мире легкометаллических сплавов, потрясло зрелище океана стекла и фарфора, тянущегося во всех направлениях и впечатлявшего тем сильнее, что на первых порах никого из людей нигде не было видно.

Он стоял, разинув рот, пока не раздался резкий голос с густым акцентом сороковых тысячелетий:

— Да заходите вы, блин.

Купер сморгнул.

— Простите, но я...

И смутился того пуще, обнаружив, что соскочил на родной диалект 28-го.

Говоривший явно заметил это: его ворчливый голос смягчился. Выражение лица с орлиным носом под тяжелыми медвежьими бровями тоже сделалось дружелюбней. Тяжеля стеклянная дверь, через которую он вошел, бесшумно провернулась на поле-

вом косяке во всю длину — энергетическом компромиссе, довольно обычном для вещественно-ориентированных Времен.

Вошедший протянул к ней тяжелую ручищу, задержал и произнес:

— Извини, сынок. Я подумал, ты местный, временнин.

— Нет, сэр, — сказал Купер, пытаюсь говорить кратко. — Я Б. Ш. Купер из 28-го. Вот мое удостоверение.

Он перешел на язык шестидесятого тысячелетия, в котором практиковался последние дни. Передал вошедшему личную капсулу. Тот даже не взглянул на видневшийся из нее край тонкой бумажки, а, отложив в сторону, рассмеялся.

— Приношу извинения, — проговорил он. — Мы ожидали местного, который как раз должен был заступить на работу в приемной. Я поспешил с выводами. Трудно найти нового сотрудника, а с предыдущим довелось расстаться скорей, чем предполагали. Сам знаешь, как оно бывает.

Он произнес последние слова с оттенком скучающего пренебрежения, который Купер постарался

имитировать наклоном головы. В конце концов, кто такие местные сотрудники, как не подопытные, предметы наблюдений? Куперу предстояло к этому привыкнуть.

Другой продолжил:

— За местными всегда нужен глаз да глаз. Они толком не понимают сути Вечности. Как до них донести, что Время не футбольный матч? Секундами вокруг да около слоняются. Если и вздумают проверить, то выходят, образно говоря, в *чужой* туалетной кабинке. А возвращаясь во Время, оказываются не на том краю двухминутного провала. С Компьютерами² потом проблем не оберешься. А ты откуда?

— Из двадцать восьмого. — Он осмелел. — А откогда³ вы?

² В оригинале термин *Computer* обозначает не вычислительную машину, как в нашем варианте реальности, а высокопоставленного сотрудника межвременной спецслужбы. В существующем русском переводе романа *Конец Вечности* ему соответствует термин *Вычислитель*, что несколько неверно, поскольку computer в современном английском означает не оператора вычислительной машины, а само это устройство. Я сохранил его в транскрибированном виде, чтобы подчеркнуть это разительное отличие.

³ В оригинале повести и романа для указания направлений перемещения во времени используются оригинальные тер-

— Из 413-го. По какому делу, сынок?

Тревога исчезла с лица Купера. Вероятно, и по акценту можно догадаться, из какого Времени этот человек, но что ж Купер был бы за Вечный, если бы на первом задании в новой секции Вечности удержался от соблазна спросить: *Есть кто из старого доброго 123-го?* — или любого иного Родного Времени. Если бы даже он был слишком юн и застенчив, или же, напротив, слишком стар и облечен регалиями, то наверняка бы задал этот вопрос, по крайней мере себе самому в мыслях. Есть нечто особенное в общих социальных привычках и предубеждениях, не поддающееся искоренению при сколь угодно тщательных тренировках интернов. Даже самая неприятная личность иного Времени, случись ей попасться на глаза в *правильном* костюме, в одежде, которую новичок в любой миг прежней жизни считал бы *единственно* правильной, станет в представлении интерна принцем крови, чью привязанность стоит заслужить.

Но 413-й век для Купера ничего не значил, кроме порядкового номера. Он ничего не смог припомнить об истории этой эпохи, кроме отрывочных сведений: в том тысячелетии наблюдалось сокращение

мины, которые не отражены в часто переиздающемся русском переводе романа.

численности населения, а древесные семена экспортировали оттуда в различные обезлесенные столетия. Экспорт был налажен весьма широкий, поскольку семена не так чувствительны к Реальности, как, например, противовирусные сыворотки, человеческие эмбрионы или вихревые маршрутизаторы.

Купер проговорил:

— Я хочу видеть Лабана Твиссела.

Он не сумел сдержать трепета в голосе.

Брови другого вздернулись. Подняв отложенную было в сторону личную капсулу, он внимательно осмотрел ее.

— Старшего Компьютера Твиссела?

— Именно так.

— Ну что ж, Купер, садитесь, я попробую с ним связаться. Кстати, меня зовут Нерон Эттрелл.

Голос Эттрелла лишился прежней снисходительности.

Купер сел. Губы его так и дрожали от едва сдерживаемого восторга. Он явился к Старшему Компь-

ютеру Твисселу, по его вызову, а Твиссел — член Всевременного Совета, величайший, как считали во всей Вечности, Компьютер среди своих коллег.

И это Твиссел истребовал себе Купера. Он не представил никаких обоснований своей просьбы, но Купер подозревал, что уже знает причину. Он никому не озвучил своих предположений, не поделился ими даже с Дженро Мэнфилдом, своим Наставником и человеком, которого уважал более всех, встреченных за недолгую еще жизнь.

В конце концов, Купер и сам уже некоторое время догадывался, что избран для некоей миссии. Первое предположение на сей счет возникло у него более физиогода назад. (Чуть ли не с самого начала учебы приходилось привыкать к различию между годами, которых в Вечности не существовало, и физиогодами, служившими лишь мерой взросления человеческого тела.)

Вот как это произошло. В классе 28-го столетия было пять интернов, двое из второй декады и по одному из пятой, седьмой и девятой. Сам Купер принадлежал к девятому десятилетию, он родился в 2784-м, а поступил на учебу в 2798-м. Оставайся он во Времени, прожил бы к настоящему моменту уже семь лет 29-го столетия, но столетия было принято регистрировать по моменту, когда новичок покидал

Время и поступал на учебу. Вплоть до дня своей смерти Купер так и останется выходцем из 28-го. (Мысленно он поправил себя: просто *до* смерти. Какой прок считать дни в Вечности? Но, впрочем, так поступали все. Говорили *завтра* и *может, в следующем году*, словно это имело хоть какое-нибудь значение.)

Но из пятерки новичков он один получил специализацию. Его проволокли через вычислительную математику как можно скорее и велели все оставшееся время уделять изучению первобытной истории. Однажды он выразил несогласие, заметив, что другие интерны учатся по вполне сбалансированным программам. Наставник Мэнфилд в некотором замешательстве взъерошил каштановые волосы и проговорил:

— Сынок, но таков прямой приказ Совета. — Люди частенько обращались к Куперу *сынок* — вероятно, по той причине, что его маленький подбородок, светлые волосы и глаза создавали впечатление, будто он гораздо моложе своего истинного возраста. — Не знаю, почему.

Ничего не оставалось делать, кроме как вернуться к изучению старых периодических изданий (прежде чем в моду вошла пленка, печатали на бумаге), пока

жизни, поступки и имена давно умерших людей не стали им обоим знакомы, словно свои собственные.

За физиогод до этого момента он прочел одну из работ Компьютера Твиссела по математике (*проанализируйте результаты Твиссела в терминах темпоральных тензоров*). Заинтересовавшись, он изучил другие статьи. Это привело его к определенным неожиданным выводам, которыми он не рисковал делиться даже с Мэнфилдом.

Но он полагал, что примерно представляет себе, для чего с ним так обращаются, и погрузился в более или менее нетерпеливое ожидание вызова от Твиссела. И его вызвали.

Перед самым отбытием он успел поговорить с Мэнфилдом и не удержался от намека. Несомненно, Мэнфилд в курсе, и Куперу хотелось получить подтверждение своих подозрений. О, как же ему хотелось.

— Но зачем я ему, сэр? — спросил он. — Я ведь специалист по первобытной истории.

— Знаю, знаю. — Мэнфилд улыбался. — Боюсь, что за годы, проведенные вместе с тобой над ее изучением, я и сам заинтересовался сверх меры. На-

верное, после твоего отбытия я продолжу исследования в этой области.

Купер понимал, о чем он. Газеты и журналы первобытных веков, содержавшие летопись бесконтрольных кровопролитий, преступлений и страстей, неустранимо запечатленную в недоступной изменением Реальности... захватывающее чтение! Он знал, что будет скучать по многочасовым совместным занятиям.

Купер позволил себе более недвусмысленный намек на то, что, как ему казалось, было истиной.

— Но я бы и сам хотел продолжить работу над историей примитивных веков. Я хочу написать оригинальное исследование. Работа в 500-х — не то, к чему я стремлюсь.

Если Мэнфилд *знает*, то, конечно же, намекнет. Но если и не знает или слишком умен, чтобы повестись на приманку... или же — но такое предположение Купер недовольно отверг — вся теория могла оказаться плодом его воображения.

Мэнфилд отвечал:

— Сынок, у тебя всегда останется свободное время для хобби.

Он снова улыбнулся, но в улыбке его была некая горечь. Студенты все как один любили Мэнфилда, однако ничего не знали о его прошлом. Он же никогда о себе ничего не рассказывал. Даже Куперу, своему самому верному ученику. Каким-то образом стало известно, что он уроженец одного из будущих тысячелетий (*верховремени*, так их было принято называть), и студенты приняли эту информацию на веру без особых попыток уточнить. Ходили слухи, что Мэнфилд был некогда Компьютером, выдающимся математиком, кандидатом в члены Всевременного Совета, а потом отбросил все карьерные перспективы ради должности Наставника интернов в одном из дальних низовеков.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Мэнфилд.

— Я слегка напуган. И немного возбужден, — ответил Купер без утайки. — Я никогда нигде не был, вы же знаете, если не считать той экспедиционной вылазки в 40-е, да и то, это ж был обычный двухдневный доклад о децентрализованной городской жизни.

А о чем он умолчал, так это о том, что та вылазка осталась единственной дозволенной ему, вопреки многочисленным просьбам и вполне обычным для его соучеников экспедициям.

На следующее утро Бринсли Шеридан Купер поллучил в свое распоряжение одноместный «чайник» и в одиночестве двинулся по коридорам Вечности. «Чайник», строго говоря, не перемещался ни в пространстве, ни, разумеется, во Времени, поскольку Вечность замкнула на себя все Время от 28-го столетия (первого столетия Вечности — этим фактом 28-е гордилось более всего прочего, и вполне заслуженно) до тепловой смерти в неопределенно далеком будущем.

Но, Время его порази, «чайник» все же перемещался *где-то* или через *что-то*. Купер был еще слишком юн и неопытен, чтобы не задумываться о том, через что и где.

Конечно, он ни до чего не додумался. Чем бы это ни было, оно истекло, и он увидел аккуратный небольшой указатель, отмечавший 575-е столетие: в местной системе счисления, а равно во вневременной стандартной. (Существовал даже вневременной стандартный язык, которым пользовались редко, в основном для официальных докладов. Казалось, что местные диалекты всех устраивают; Мэнфилд приписывал это явление подсознательной тяге вернуться в Родное Время.)

Спустя считанные минуты Куперу предстояло увидеть Твиссела. Твиссел! Старейший из ныне живущих Старших Компьютеров, человек, утвердивший своей подписью больше квантовых изменений Реальности, чем кто бы то ни было из Старших Компьютеров до него; человек, пользующийся даже большим авторитетом, чем некогда Харви Мэллон, первобытный изобретатель 24-го столетия, благодаря которому существует Вечность.

И это Харви Мэллон — ключ к его собственному...

Голос Эттрелла вырвал его из раздумий.

— Старший Компьютер Твиссел вскоре готов будет тебя принять, сынок.

— Благодарю вас, сэр.

Купера не обижало обращение «сынок». Существой они с Эттреллом во Времени, он бы оказался эдак на сорок тысяч лет старше Эттрелла. Он мог бы оказаться его прапрапрактознаетсколькодедушкой. Но это же не Время. Это Вечность. Тут обращение «сынок» не значит ничего. Совсем ничего, ибо Вечным не позволялось заводить сыновей. Все Вечные рождались во Времени, от временных родителей. Лишь таким образом было возможно гарантировать духовную связь Вечных с человечеством, необходи-

мую для работы. Если бы Вечным позволили заводить детей, а те сами стали бы Вечными по праву рождения, возникли бы оторванные от потребностей Земли династии. Из мудрых руководителей и скульпторов человеческой истории Вечные стали бы тиранами.

Купер был еще слишком юн и пылок, чтобы не испытывать смущения при подобных идеалистических рассуждениях.

— Ты не хочешь посмотреть на это столетие, пока мы ждем? — предложил ему Эттрелл.

— Да! — воскликнул разом повеселевший Купер.
— А что, правда можно?

— Без труда. Тут довольно качественный хроноскоп. Его вполне хватает аж до 600-х, а потом, если нужно, на полевую фокусировку переключаются. В соседней лаборатории. Если хочешь, я тебе устрою экскурсию.

— О да, очень!

2

Нерон Эттрелл бросил на молодого человека осторожный взгляд искоса. Двадцать физиолет провел он в Вечности — и его не переставали раздражать восторженные сосунки, бесстрашно рвущиеся на первое задание по спасению мира.

Но в этом новичке, несомненно, есть нечто особенное. Твиссел его вызвал. Трудно судить, о чем думает Твиссел, однако Нерон Эттрелл достаточно заметную часть собственной жизни был знаком со стариком, чтобы догадываться, когда тот в радостном возбуждении.

А Твиссел пребывал в возбуждении.

Минуту назад он прочирикал Эттреллу в ухо по комм-сети:

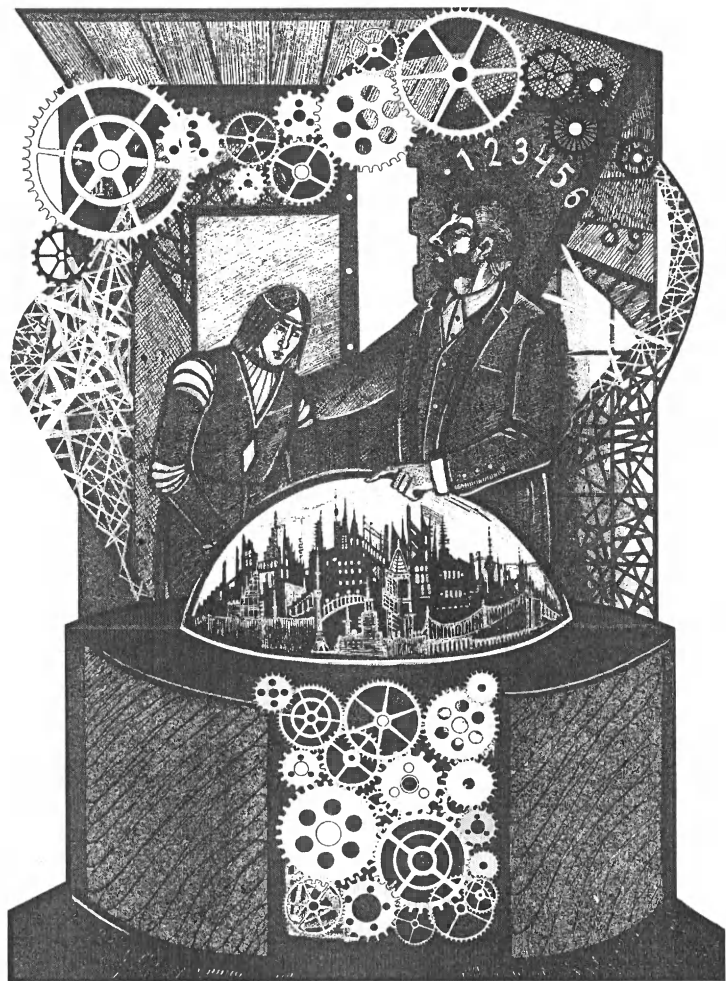
— Да, я жду этого юношу. Я скоро приду. Как можно скорее. Я потороплюсь. Мне только нужно еще одно квантовое изменение утрясти.

Его возбуждение было очевидно уже по слову *потороплюсь*.

Твиссел никогда не торопился в делах, где от него зависели. Однажды заседание Всевременного Совета вынужденно задержали на пять часов, а когда Твиссел наконец появился, то не дал никаких объяснений своему опозданию. Но вот он спешит со всех ног навстречу худощавому бледному юноше, который явно ошеломлен переходом в невесть какое Время, в такой дали от Родного.

Несомненно, в этом новичке, Купере, есть нечто интересное и необычное, и Эттрелл помимо воли задумался, а не попробовать ли с ним подружиться. На всякий случай.

Он быстро отыскал хроноскоп и включил его. Технологическая эстетика 575-го отличалась простотой и изяществом. Хроноскоп на первый взгляд мог показаться обычным стеклянным столиком. А потом стекло исчезло, сменившись видом города — словно идеальной трехмерной фотографией. Эттрелл неторопливо улыбнулся, услышав вырвавшийся у Купера вздох изумления. Он ожидал его услышать.

Людей всегда охватывало изумление, когда мнимая фотография начинала меняться.

Интерн склонился над хроноскопом, во все глаза разглядывая картинку. Потом нахмурился и отступил на шаг.

— Если хочешь приблизить, — сказал ему Эттрелл, — я тебе покажу, как работает система управления. Это просто.

Интерн покачал головой.

— Нет-нет, все в порядке. Я... Я удивился, а почему отличия такие небольшие? Я думал, все будет иначе.

— Иначе? В сравнении с чем?

— С 28-м. С... моим домом, вы понимаете...

— А должно было?

— Ну, это же... это же пятьдесят тысяч лет верхов-
ремени...

Эттрелл вежливо усмехнулся.

— А знаешь, — проговорил он, — наверное, не родился еще интерн, который бы не почувствовал того же, что и ты, на первом задании в новом Времени. В принципе, они все более или менее одинаковы.

— Но... вы же не серьезно, Эттрелл?

— Ну, может, я слегка и преувеличиваю. Послушай, ты не против, если я тебе кое-что объясню?

— Я был бы вам признателен.

А он вежлив, подумал Эттрелл. Эттреллу часто говорили (однажды даже Твиссел так сказал), что, как уроженец редконаселенного столетия, он обречен испытывать неловкость в обществе незнакомцев. Возможно, и так, но помимо воли он испытал симпатию к юноше.

Он вежливо проговорил:

— Что же, тогда слушай. Тебе предстоит обнаружить, что человеческая история развивается не линейно, а по неправильной синусоиде. Прогресс не бывает непрерывным, остальные эпохи не отличаются чем-то принципиальным от твоей родной. Случайно выбранная эра с большей вероятностью окажется подобна твоей, нежели наоборот.

— Меня учили этому.

— Да, тебя учили. Но ты, паренек из 28-го, никогда не поверишь, пока не увидишь сам. Пойми меня правильно: ничего не имею против 28-го, но ты ведь согласишься, что 28-е — это всего лишь первое полное столетие Вечности. Правильно?

— Да, совершенно правильно.

— И жители 28-го всегда хорошо помнят о первобытных временах, до начала Вечности.

— Да. Кстати, я специалист по первобытной истории.

— Тем более. В последнее тысячелетие первобытной эпохи развитие технологии шло более или менее линейными темпами. Естественно, ты свыкся с мыслью, что так бывает всегда. Но вообще-то, коль скоро ты магистр первобытной истории, нет нужды тебе пояснять, что человечество не всегда прогрессирует, если такое слово имеет универсальный смысл. Иногда наблюдается регресс.

— Да, — Купер чопорно поджал губы, — я согласен, что в течение тысячи лет после первого века наблюдался технологический упадок, а подлинного восстановления до уровня, сравнимого хотя бы с

достигнутым в течение половины тысячелетия до первого века, не наблюдалось...

Эттрелл, вполуха слушавший слегка претенциозные выкладки Купера, которому явно не терпелось поделиться недавно приобретенным знанием, встрепенулся. Неужели теперь *над ним* подтрунивают?

— В течение половины тысячелетия до первого века? — переспросил он.

— Да. Если честно, то да. И первый век не был первым.

— Тогда что же это получается, его просто так считают первым веком?

— Это немного сложный вопрос. Тут дело вот в чем...

— Ай, ладно, забудь. — Эттрелл убедился, что юноша говорит серьезно, однако желания увязать в обсуждениях парадоксов Времени не испытывал. — Это твоя специальность, так что я тебе верю на слово. А я специалист по Диаграммам Жизни. И вот что я хотел бы до тебя донести. Люди кругами ходят. Возможно, далеко в верховремени или низовремени, но в целом все более или менее одинаково. Вме-

сте с тем может случиться так, что твои близко-
гдашние соседи резко отличаются от тебя. Не под-
давайся на эту иллюзию. Что тебе представляется
декадансом или варварством, другим может пока-
заться восхитительно новым и прекрасным. Ты зна-
комился с историей 431-го?

И, задавая этот вопрос, Эттрелл ощутил, как ис-
подволь пробуждается в нем настроенность, как
всегда случалось при мысли о Родном Времени.

Купер покачал головой.

— Нет, детально — нет.

— У нас там всего сто миллионов. Хорошее Время.
— Внезапно его охватила ностальгия. Давненько уже
он не посещал 410-х и 420-х. Он так и чувствовал
холодный воздух, напоенный сосновым ароматом,
так и видел перед мысленным оком голубые ледни-
ки у горизонта. Казалось, руку протяни, и вот они,
чистота, простор, открытость мира.

Он печально проговорил:

— Вероятно, в твоём 28-м тесновато.

— Порядком. Нас пять миллиардов.

— И в 575-м. И почти везде так. В мое время, как тебе может быть известно, случилось небольшое оледенение. Леса стали наступать, города фрагментировались на меньшие и более дружелюбные поселения. Нам это нравится. Каждый раз, при каждом квантовом изменении редконаселенным эрам удастся проскользнуть. Так называют их Всевременные Советники: *редконаселенные эры*. В другие ледниковые периоды существуют подземные города или установки солнечной энергетики. В большинстве подобных эпох население остается довольно значительным. Но лично я ничего не имею против редконаселенности. Я вообще не считаю ее недостатком; я бы сказал, это разумное число. Иновремяне, как правило, ужасаются. Ты, наверное, тоже?

Эттrelла захлестывали эмоции. Вовремя спохватясь, он сжал губы в ниточку. Воцарилось неуютное молчание.

Купер наконец нарушил его.

— Когда Компьютер Твиссел желает меня увидеть?

— Твиссел непредсказуем, — отвечал Эттрелл. Поддавшись импульсу, он добавил: — Я полагаю, тебя привлекут к проекту, который касается Харви Мэллона.

Эттрелла удивила вспышка тревоги в глазах юноши. Его собственные подозрения подтверждались.

— Какому такому проекту насчет Харви Мэллона?
— проговорил Купер. — Ничего не знаю.

— Ну, не знаешь, так не знаешь. Но Твиссела только это и занимает. Он то и дело семинары устраивает, он нам Харви Мэллоном уже оскомины набил. Что бы он ни делал, оно имеет какое-нибудь отношение к Мэллону.

И тут раздался вежливый голос:

— А почему бы и нет, Адъюнк-Графист?

Акцент на официальном названии должности Эттрелла был едва ощутим.

Эттрелл с трудом скрыл удивление. Он не услышал, как Твиссел появился.

— Конечно же, Старший Компьютер, конечно же.

Купер напрягся. Бледные щеки порозовели, тонкие черты лица словно заострились еще сильнее. Он проямлил:

— Старший Компьютер Твиссел?

Эттрелл наблюдал за реакцией Купера, и уголок рта у расчетчика едва заметно подергивался. Он превосходно представлял себе, что Купер чувствует. Он сам выглядел примерно таким же, недоверчивым и отчасти разочарованным, когда в числе дюжины интернов впервые встретился с великим функционером Вечности.

И вправду, репутация этого человека была колоссальна, имя его, казалось, источало волшебство. Трудно сопоставить все это с физической реальностью сгорбленной фигуры, маленького круглого лица, чуть вдавленного гладко-лысого лба, крохотных глаз в окружении тысячи морщинок, добродушной улыбки и сигареты. Главным образом — сигареты.

Купер уставился на нее так, словно прежде за всю жизнь ни одной сигареты не видел. Облачко дыма подплыло к юноше, и тот явственно дернулся.

— Это ты мой мальчик? Это ты мой молодой человек?

Твиссел пытливо заглянул Куперу в лицо снизу вверх, словно пытаясь что-то в нем рассмотреть че-

рез сигаретный дымок. Говорил он на языке третьего тысячелетия, с жутчайшим акцентом.

Купер вымолвил:

— Я Бринсли Шеридан Купер, сэр. Я прибыл по вашему распоряжению и ожидаю приказаний.

А он говорил на болезненно медленном, недавно выученном языке шестидесятого тысячелетия.

— Ах, эти формальности! — Старший Компьютер взмахнул рукой, державшей сигарету, и на отполированный пол просыпалась горстка пепла. — Не утруждай себя языком шестидесятого. Я как следует изучил ваше наречие. Я в совершенстве им владею. Итак, Адъюнк-Графист Эттрелл, что же, по-вашему, такого плохого в интересе к Харви Мэлло-ну?

Эттрелл догадывался, что вопрос риторический, а языком третьего тысячелетия владел недостаточно хорошо, засим предпочел отмолчаться, вверяя Твисселу стратегическую инициативу.

Твиссел продолжил:

— Разве не достоин он всемерного внимания? Он жил в первобытную эру, так что нельзя просто взять

и нагрянуть к нему с «чайником». Но в 2354-м он изобрел темпоральное поле, а спустя четыреста лет именно его работы сделали возможной конструкцию «чайника». Он заложил основы Вечности, однако нам до сих пор достоверно неизвестно, когда он родился или умер. Давайте спросим об этом молодого человека.

Твиссел выговаривал «мол'ч'эчка», гротескно искажая второе слово, так что даже неопытному слуху Эттрелла это доставляло страдания.

Старший Компьютер развернулся к интерну.

— Что тебе известно о Харви Мэллоне? Ты ведь ближе к его эпохе. Ты изучал первобытные века.

— Его жизнь плохо задокументирована, сэр, — ответил Купер.

Твиссел улыбнулся.

— И это все, что можешь ты сказать, мальчик мой?

Сигарета в его пальцах истлела в окурок, и на ее месте тут же появилась новая, уже зажженная непринужденным движением, выдававшим много-

летний опыт. На Эттрелла же, как обычно, этот жест произвел впечатление циркового фокуса.

Твиссел обратился к Куперу:

— Я не стану предлагать тебе сигареты, поскольку знаю, что ты не куришь. Мало кто в Вечности курит. Лишь в 72-м выпускают хорошие сигареты, и для меня их оттуда специально завозят. Это очень грустно. На прошлой неделе я на пару дней застрял в 123-м. Там никто не курит. Вообще. В 123-м инцест не считается чем-то постыдным, а предложи я тамошним сигаретку, покраснели бы, как старые девы на первом свидании. Меня частенько посещает соблазн учинить квантовое изменение и вычеркнуть из Реальности запрет на курение по всей Вечности, но каждый раз, как я такое изменение просчитываю, выясняется, что приведет оно если не к войнам в 58-м, то к рабовладельческому обществу в 1000-м. Вечно что-нибудь мешает.

И без малейшей паузы добавил:

— А тебе бы не хотелось пронаблюдать квантовое изменение, мальчик мой? Я могу это устроить.

Он требовательно ухватил интерна за локоть и вывел из приемной.

Эттрелл мрачно проводил их взглядом. Он в жизни не видел, чтобы у Твиссела так язык развязался, чтобы тот себя вел так придурковато.

Потом он передернул плечами. Правды ему все равно не узнать, так зачем задаваться вопросом?

Он вернулся к себе в кабинет и сел рассчитывать Диаграммы Жизни с обретенной за физиогоды сноровкой. Некогда ему случилось просчитать альтернативные жизненные пути (включая все с вероятностью выше 0.01) для пятисот семидесяти двух человек, жителей столетий, где раковые заболевания не поддавались лечению. К таким эпохам относились все столетия с 27-го по 35-е включительно, где технология генной инженерии не развилась, и некоторые отрезки довольно эксцентричных 52-го и 53-го веков, где к физиологической медицине (включая психозонды и прочие аппаратные средства психоанализа) относились с большим подозрением, предпочитая ей психиатрию, граничившую с лечением молитвами.

Из пятисот семидесяти двух больных, чьи Диаграммы Жизни он построил, помощь получили только семнадцать. Или, точнее говоря, в семнадцати случаях продление жизни оказалось совместимым с требованием позитивных квантовых изменений, и преждевременная смерть от рака была вы-

черкнута из истории. Лечение обошлось дорого, но правительственные чиновники этих столетий просили еще и еще; любой ценой готовы были они выклянчить у иновремен лекарство от рака, чтобы спасти больше жизней.

Эттрелл знал, что значительно вероятнее успех в малом, нежели в большом. Любимый афоризм Твиссела гласил: с каждым новым квантовым изменением на благо человечества следующее квантовое изменение становится все труднее рассчитать. Это никогда не бывает невозможно, но становится все труднее и труднее.

Эттрелл вздохнул.

Настанет ли день, когда ни одной пригодной для изменения жизни во всем Времени не найдется? Когда же человеческая история наконец повернет на идеальный путь?

Всевременной Совет придерживался мнения, что никогда. Нет единственной идеальной дороги в бесконечности путей. К ней можно лишь приближаться асимптотически. Эта цель недостижима.

Эттрелл склонился над графиком жизни некоего Лаймана Хью Шапура из 29-го века и проследил занятную двойную вилку, которой пока не удалось

найти точного объяснения. Так-так, посмотрим, что у нас тут...

З

Андерс Хоремм, уроженец 95-го столетия (проводившего политику жесткого ограничения атомной энергетики, несколько рустикального, гордившегося использованием естественной древесины в строительстве, экспортирующего почти всегда различные спиртные напитки, а импортирующего семена клевера), забрался в «чайник» до 2456-го.

Его лицо, бледное и желтоватое, с длинными щеками и тонкими губами, хранило спокойное выражение. Ему предстояла деликатная работа, которую он не имел права завалить, но никакой нервозности не проявлял. Ему и в голову не приходило, что он рискует завалить квантовое изменение. Действительно, пока на него еще ни разу не возникло повода пожаловаться.

Хоремм начал Вечную карьеру в ранге Наблюдателя. Компьютеры существовали в утонченной ат-

мосфере чистой математики, Графисты блуждали в нескончаемых вероятностных джунглях, а Социологи строили уязвимые для критики теории о взаимосвязях людей и вещей. Наблюдатели же выходили во Время по расписанию и обеспечивали их всех данными для работы.

Однако Наблюдателей мало кто ценил. Литература Вечности кишела восхвалениями гениальных Компьютеров, безукоризненных Графистов, пытливых Социологов; немногие уделяли хоть пару слов Наблюдателям, собирающим исходные факты, и еще меньшее внимание — Техникам, которые одним движением могли поменять жизни миллиардов.

Уже пять лет Хоремм служил Техником. Большую часть этого срока он проработал у Твиссела в прямом подчинении. Твиссел приказывал, и Твиссела восхваляли за результаты исполнения приказов. Хоремм приводил приказы в действие, и Хоремма за это недолюбливали. Было похоже, что Вечные, бессильные полностью отринуть коллективную вину за игры в богов с жизнями поколений, предпочли свалить ее груз на Техников как непосредственное воплощение.

Наблюдая за обществами, практикующими смертную казнь, Хоремм отмечал аналогичное различие в отношении к уважаемым судьям, которые

выносили смертные приговоры, и гражданским служащим, которые приводили их в исполнение. Именно последние подвергались общественному ostrакизму.

Хоремма это не печалило. Он испытывал своего рода мрачное удовлетворение, работая Техником Твиссела. Он бы ни на что не променял свою должность.

Превыше всего ценил он проект, которому Твиссел присвоил условное название *загадки Мэллона*. Именно Хоремм посещал эпоху за эпохой с поручениями, о которых нигде не упоминалось публично. Именно он рассчитывал жизни субъектов, которые Твиссел не рисковал доверять профессиональным Графистам. И это он первым обнаружил Бринсли Шеридана Купера; даже его хладнокровие поколебала мысль, что конец поискам нужного Твисселу человека все-таки положен. Он лично отправился в низовремя, так глубоко в прошлое Купера, как только рисковал забираться Твиссел, чтобы для начала забрать Купера в интернатуру, а затем подвергнуть его тщательно продуманному специальному обучению. Затем, когда минимально необходимый курс учебы завершился, именно Хоремм отправил от имени Твиссела сообщение, вызывавшее Купера в 575-й век.

Это его устраивало. Умей Хоремм улыбаться, он бы сейчас улыбнулся. В исключительной изоляции «чайника», странствующего по коридорам бесконечных столетий, он бы, вероятно, даже позволил себе громко расхохотаться. Однако он чувствовал лишь хладнокровное удовлетворение: работа, отнявшая десяток лет физиовремени, приближалась к кульминации, пока столетия менялись вокруг «чайника», мчались мимо и сквозь него.

Наконец «чайник» плавно замедлился и остановился; Реальность проявилась из окружавшего аппарат тумана.

Хоремм не отвлекся на зрелище действительности нового столетия, как ни тривиальны могли оказаться ее отличия от привычных ему. Он слишком долго проработал на этой должности, чтобы расходовать время на непродуктивные наблюдения, не имеющие касательства к делу.

К тому же он находился еще не во Времени, а в секции Вечности, отведенной под нужды 2456-го столетия. Барьер, разграничивавший Вечность и Время, выглядел бы черным, как тьма первозданного хаоса, но бархатное бессветие его пронизывали характерные сполохи, отмечая дефекты субмикроскопического уровня, избавиться от которых не удастся, покуда действует принцип неопределенности.

Хоремм аккуратно подъюстировал положение барьера и шагнул через него ровно в ту секунду Времени, какая была сочтена оптимальной для его задания по результатам пространственно-временного анализа. Барьер воссиял неощутимым пламенем, реагируя на перемещение массы сквозь него, из Вечности во Время.

Усеивавшие Вечность барьеры ежесекундно потребляли энергию, эквивалентную выходу дезинтеграции миллиона тонн вещества. Но в энергии недостатка не было. За двадцать миллиардов лет по верховремени полыхала финальная Новая, некогда бывшая Солнцем: миллион солнечных эквивалентов энергии, бери сколько хочешь⁴.

Что же, хотя бы *она* остается неизменной. Никакое мыслимое изменение Реальности, никакая жалкая людская возня со Временем не способны предотвратить пришествие Новой.

⁴ По современным представлениям, Солнце не способно вспыхнуть как новая звезда, поскольку все явления подобного рода протекают в тесных двойных системах и носят периодически-катаклизмический характер. Не совсем понятно, почему Азимов сохранил эту деталь во многих своих ранних работах даже при многочисленных переизданиях; восходит она, вероятно, еще к его рассказу *Супернейтрон* (1941).

Хоремм обнаружил, что стоит в машинном зале. Зал был пуст и останется пустым два часа тридцать шесть минут в текущей Реальности; в грядущей же Реальности — на две минуты дольше. Тщательные расчеты продемонстрировали, что его личное присутствие здесь не возымеет влияния на Реальность. Хотя никакое, сколь ни случайное, перемещение во Времени не могло обойтись без едва заметного напряжения ткани Реальности, минимально необходимого для квантовых изменений уровня достигали не все.

Следующее действие Хоремма выглядело, вероятно, еще тривиальнее, чем сам факт его присутствия здесь. Он взял с полки пустой контейнер и переложил его на пустующее место полкой ниже.

Совершив это, он вернулся в Вечность так же легко, как прошел бы через дверной проем. Прикованному ко Времени наблюдателю показалось бы, что он просто исчез.

Маленький контейнер остался лежать на новом месте. Его непосредственная значимость для мировой истории еще не проявилась. Рука потянется за ним и не найдет. После поиска, полчаса спустя, контейнер будет обнаружен, но за это время силовое поле отключится, и терпение лопнет. Решение, которое в предыдущем варианте Реальности не при-

няли, будет теперь принято в гневе. Встреча не состоится; человек, который иначе бы умер, проживет лишний год; человек, который бы прожил на день больше, умрет днем раньше.

Круги расходились все шире.

Начиная с момента, когда был перемещен контейнер, по всему дальнейшему Времени проявилась новая Реальность. В некоторых столетиях изменение оказалось радикальным, затронуло целые культуры. В некоторых — едва ощутимым. Но проявилось оно везде.

Разумеется, обычные времена понятия не имели и не могли иметь, что это изменение произошло. Хотя миллионы людей, которые существовали до вмешательства Хоремма, теперь оказались вычеркнуты из истории, Вечные всё понимали — и, отвлекаясь от иррациональных порывов, никто не мог бы обвинить Хоремма в убийстве.

Никто, кроме, понятное дело, самого Хоремма.

4

Лабан Твиссел был неотъемлемым элементом Вечности так давно, что немногие из ныне живущих Вечных помнили Вечность без него. В открытую распускались всякие слухи. Твиссел так давно погружился в насущные проблемы человечества, что позабыл, из какого столетия родом он сам. У Твиссела в раннем возрасте атрофировалось сердце, и с той поры его заменяет миникомпьютер, вроде того, что он все время в кармане брюк носил.

Твиссел никогда не опровергал подобных утверждений. Они ему скорее льстили. Напротив, он бы огорчился, скажи ему кто-нибудь, что заметил хоть какое-нибудь визуальное проявление бушевающих его в этот момент эмоций. Что его компьютерное сердце колотится с постыдной поспешностью, как если бы состояло лишь из мышц и клапанов.

Он *своими глазами* смотрел на Бринсли Шерида-на Купера. Воочию его видел. И никто, за исключением самого Твиссела и чудака Хоремма, не понимал, что в этом непримечательном нервном юнце заключено... всё.

Они забрались в «чайник». Стенки аппарата были идеально круглыми, и в вертикальной шахте он разместился без труда. Твиссел одной рукой возился с панелью управления, а из другой не выпускал непременной сигареты. Последовало едва ощутимое легкое потряхивание, не совсем движение и не совсем вращение: признак перемещения «чайника» сквозь Вечность.

Он улыбался Куперу.

— Беспокойтесь, мол'ч'эек?

Глаза Купера следили за сменой цифр.

— А куда мы направляемся?

— В две тысячи восемьдесят первое столетие, — сообщил Твиссел. — Это недалеко. Прогулка. Небольшая прогулка.

— В 2781-е?

— Ты никогда так далеко не забирался?

— До сегодняшнего дня, Компьютер Твиссел, я не бывал дальше 40-го по верховремени.

— Ну и? Ты боишься?

Купер шевельнулся в своем кресле.

— Это больше двухсот тысяч лет от дома.

— У Вечного нет дома, — кротко заметил Твиссел.
— Тебе бы стоило освоиться с этой мыслью, мальчик мой.

Мелькали цифры, увеличивались числа.

— Как далеко по верховремени вы бывали, сэр? — спросил Купер.

— В двухсоттысячных, пожалуй. Более-менее. Ни-кому нет смысла дальше забираться, кроме разве что Инженеров, работающих с Новым Солнцем. Дальше, за двухсоттысячным, человечество покидает Землю. — Старый Компьютер взгляделся в ошеломленное лицо спутника. — Ага, этому тебя в школе не учили, так ведь?

— Я полностью посвятил себя занятиям в совершенно противоположной области, сэр, — отвечал Купер, тщательно выбирая слова.

Но Твиссел не упрекнул его.

— Ну да, — сказал он, — Человек так или иначе покинет свой старый мир.

— Почему?

— Точно неизвестно. За несколько веков до отбытия выход во Время становится невозможен. Иногда считается, что так проявляет себя эволюция, превратившая людей в... нелюдей. Иногда утверждают, что так проявляет себя наука, позволившая людям наконец овладеть секретом гиперпространственного движения и достичь звезд.

— Но зачем им покидать Землю?

— Некоторые полагают, — сказал Твиссел, — что они стремились скрыться от нас. От нашей неотвязной возни с Реальностью.

— А нельзя ли принудить их остаться?

— А зачем? Разве у нас в двух сотнях тысяч веков Вечности работы мало?

— И что происходит после отбытия?

— Ничего. Вечность продолжается без людей до эры взрыва Солнца, а потом, без Солнца, до эпохи максимальной энтропии, пока не умрут все звезды, и даже после того. Вечности нет конца.

Числа перестали меняться. Твиссел открыл дверцу и вывел Купера в зеркальную приемную.

— Молекулярные пленки тут в моде, — пояснил он, не скрывая отвращения. — Псевдожидкости.

Он указал Куперу путь мимо почтительных Вечных, не обратив на них никакого внимания, и прошагал прямо в небольшую обсерваторию.

Купер смотрел на собственное отражение, повторявшееся с неприятной частотой.

— А что, тут всё зеркальное? — спросил он.

— Примерно. Это поколение исполнено претенциозности. Впрочем, они позаботились о возможности уменьшить отражения.

Махнув рукой над неприметной панелью управления, он придал зеркалам стально-серую диффузную текстуру, и отражения Твиссела с Купером стали едва различимыми тенями.

Потом сел и обратился к спутнику:

— Нужно подождать еще чуточку.

В момент, когда его тело опускалось на простой стул без накидки, тот выгнулся навстречу Твисселу и принял форму красного кресла с гладкой обивкой, по его идеальной мерке.

Купер осторожно последовал его примеру, и обивка также подстроилась под его контур тела.

Морщинистая рука Твиссела чашечкой сомкнулась над регулятором. Ближняя стена стала прозрачной, как стекло. Проявились и обрели резкость очертания людей и предметов.

Купер глядел во все глаза.

— А что это, сэр?

— Космопорт. Корабли, путешествующие по Солнечной системе вдоль линий гравиелектрического

взаимодействия, взлетают и опускаются. Бесполезные игрушки.

— Но какие красивые!

— Нельзя оправдать красоту ущербом, наносимым обществу. Это несчастливый век, и непосредственно следующие квантовые изменения сделали бы его еще менее счастливым. Нужно принять решительные меры. Эти бедолаги отправляются на Марс, а на Марсе ничего нет. Там никогда ничего не было. И не будет. На Земле они предаются наркотическому дурману. В 2781-м самый высокий уровень наркотической зависимости по всей Вечности.

— Вероятно, они технологически крайне развиты?

— Ты из 28-го. Тоже технологический век, потому и впечатляешься. Послушай меня, мальчик. Ты хоть знаешь, сколько раз за эти столетия открывали технологию космических полетов? Двадцать семь! И ни разу она не продержалась дольше тысячи-другой лет. Люди устают. Возвращаются. Колонии вымирают. Затем, спустя четыре-пять тысячелетий, а может, сорок и пятьдесят, пытаются снова. Когда я впервые оказался в Вечности, космопроходческих эпох насчитывалось тридцать четыре.

— Компьютеры изымают космические путешествия из Реальности?

— Ничего подобного. А зачем? Был период, когда таких космопроходческих эпох существовало только четырнадцать, затем их число снова начало возрастать. Мы, Вечные, просто улучшаем Реальность. Там, где возникает нужда в усовершенствовании, мы следуем ей. В этот раз устраняем космические путешествия, в другой раз там же восстанавливаем.

Купер разглядывал блистающие зеленые металлические ангары и стальные корабли, бесшумно и гладко снующие по линиям безмассового взаимодействия между планетами. Твиссел же наблюдал скорей за Купером, чем за этим зрелищем, и от его сигареты мерно поднимались дымные струйки.

Купер пробормотал дрожащим голосом:

— Так далеко, так далеко от Родного Времени. — И вдруг добавил: — Вы знаете, моя мать уже больше четверти миллиона лет как мертва... там.

Твиссел резко глянул на юношу.

— А твоя мать существует?

Купер пожал плечами и ответил сдавленно:

— Не знаю... Квантовые изменения вряд ли затрагивают самое начало Вечности. Может, и жива. Но когда я оказался в Вечности, Наставник Мэнфилд запретил мне проверять.

— И Мэнфилд поступил совершенно верно. Ты наивный дурачок, раз вообще о таком помышляешь.

— Извините, сэр.

— Ты прощен. А теперь смотри! В трех столетиях низогде Хоремм перемещает мезолитовые кристаллы. Момент физиовремени настал, э?

Купер воскликнул:

— Космопорт!..

Сияние исчезло. Здания стали ниже. Космопорт проржавел. Движение прекратилось.

— Вы ожидали этого, сэр? — спросил Купер.

— Вполне. Космические полеты прекратились на столетие раньше, чем в предыдущей версии. Зато никаких наркотиков. Люди стали счастливей. И в других областях, тебе неизвестных, также стало лучше.

Твиссел, сам того не заметив, перешел на родной диалект. Осознав это, он тут же вернулся к языку эпохи Купера, и раздражение проскользнуло в словах с резким акцентом:

— Идиот! Тебе металла жалко? А люди для тебя не значат ничего? Предупреждаю, если ставишь вещественное превыше людского, тебе в Вечности не место.

Но тут же он пожалел об этой вспышке и продолжил совершенно другим голосом:

— Нет-нет, мой дорогой Купер, мне не стоило так говорить. Я упрекнул тебя за то, в чем ты мне не помощник... Теперь идем. Я просто хотел продемонстрировать тебе, как это выглядит, чтобы тебе стало лучше понятно. А теперь идем. У нас дело поважнее; самое важное дело во всей Вечности.

5

Андерс Хоремм возвращался в «чайнике» из 2456-го.

В приемной 2456-го, через которую он проходил, перемещаясь из «чайника» во Время и из Времени в «чайник», царило разительное и показательное безлюдье. Вечные этой секции знали, что у них работает Техник, и предпочитали не пересекаться с ним, а тем паче не вступать в разговор.

Хоремм сохранял обычное для себя хладнокровие, поскольку понимал, что служит тому причиной. Никто из Вечных этой секции не родился в 2456-м. А как же иначе? Одно из основополагающих установлений Вечности гласило, что человек, взятый из Времени в Вечность, лишается права на сопричастие своему родному Времени. Возможный размах злоупотреблений в случае нарушения этого правила был так очевиден, что его и обсуждать не приходи-

лось. Впрочем, вид проходящего сквозь барьер и обратно Техника напомнил бы всем присутствующим, что и их родная эпоха в следующий раз вполне может испытать на себе квантовое изменение. И хотя все Вечные свыклись с мыслью, что изменение это будет к лучшему, сердцу приказывать трудно. Даже в Вечности.

Если, конечно, это не сердце Техника, подумал он и нахмурился. Много раз его ставили в пример интернам. Вот таким-де обязан быть истинный Вечный: приверженным своему долгу и миссии, чьи цели превосходят всякое персональное разумение.

Хоремм некогда был искренен, полагая себя таковым, но в те дни он служил простым Наблюдателем: незаметно выскальзывал из Вечности, собирал данные, ни во что не вмешивался, действовал с предельными эффективностью и объективностью. При случае он останавливался в домах времян, сотрудничавших с Вечностью. Если такой возможности не выпадало, селился в гостиницах, дозволенных пространственно-временной диаграммой; если же и это не было ему разрешено, ночевал под кустами.

И всегда, при каждой вылазке, наибольшей детализацией отличались указания, куда ему направиться и в какой момент, что делать и чего не делать. Никогда не навещал он запретных мест и вре-

мен, никогда не сталкивался с нежелательными персонами — и эффективностью работы снискал себе пост личного Техника самого Твиссела. Ни разу за все время карьеры Вечного не напряг он ткани Реальности, преступив дозволенные границы.

Его недавние действия были образцово-показательны: для оптимального результата следовало вмешаться в точно определенной точке пространства-времени, как делает точный разрез хирург или умело поворачивает инструмент инженер.

Именно он вычислял оптимальную природу МНВ (Вечные всегда обозначали минимально необходимое воздействие этой аббревиатурой, МНВ), по своим методикам, опираясь на общие указания Компьютера относительно природы этого МНВ. А Твиссел тремя столетиями позже по Времени наблюдал за МОР (максимальным ожидаемым результатом, как учили сокращать это выражение в интернатуре).

Типичная ситуация. Техник привносит небольшую постыдную причину, Компьютер наблюдает осязаемый благородный результат.

Но это неважно. Ничто не имело значения, кроме великой работы, предстоявшей в ближайшем будущем. Теперь, когда явился мальчишка Купер, осталось уже недолго.

Он едва заметно содрогнулся. Непрошеной явилась мысль о первом физиоходе в 482-м.

Он не представлял, как теперь выглядит эта эпоха. Он избегал читать о ней. Избегал назначений в близкое к ней Время. Но он помнил всё, так четко, как если бы только-только закончил обучение и приступил к первому самостоятельному заданию в Вечности.

Он стал Наблюдателем в 482-м и соседних столетиях.

Наблюдатель! Объективный и холодный! Видящий только истинную природу вещей!

Наблюдатель! Человек, чья работа неощутима, ведь каждое квантовое изменение в большей или меньшей мере искажает все данные, накопленные о затронутых им столетиях.

Он представил начальству свой первый доклад о 482-м и постарался сформулировать его в максимально объективных и бесстрастных выражениях. Он тщательно следил, чтобы не прорвалась наружу копившаяся в нем неприязнь. Эта эра не ведала этики и моральных принципов, по крайней мере в привычных ему категориях. Гедонистическая, мате-

риалистическая, ощутимо матриархальная. Единственная, где буйным сорняком расцвело внеутробное деторождение: на пике его популярности сорок процентов женщин приносили потомство простым переносом оплодотворенной яйцеклетки в искусственную матку. Брак заключался и расторгался по взаимному согласию, но имел лишь эмоциональное значение. Зачатие ребенка полностью разграничили с остальными социальными функциями брачного союза и осуществляли по чисто евгеническим рекомендациям.

Хоремм мог бы перечислить сотню других причин, по которым считал эту эпоху больной и жаждал ее квантового изменения. По его крепко сжатым челюстям ходили желваки от предвкушения трансформации миллионов гедонисток (мужчины его не занимали), которые в один миг станут любящими искренними матерями другой Реальности, со всеми причитающимися ей комплектами воспоминаний, не в состоянии осознать, во сне увидеть или похвастать, что некогда были кем-то еще. Миллионы живущих в одно мгновение обратятся в миллионы некогда не живших, а им на смену придут другие миллионы, совершенно уверенные, что у них были предки и будут потомки. И в *этой* Реальности их мнение станет отвечать истине.

Но в докладах он не отразил своих мыслей, да и не должен был. Лишь когда Нойс Ламбент впервые появилась в его секции Вечности как секретарша Компьютера Гобба Финжи, неодобрение к ее эре и всем порождениям последней вырвалось на поверхность.

Хоремм подозрительно относился ко всем временам, сотрудничавшим с Вечностью. В идеале, полагал он, Вечности должны служить только Вечные. Присутствие времен вносило тысячи разнообразных неудобств. Но, естественно, Компьютеры не ставали обосновывать необходимость такого сотрудничества тысячами причин.

Присутствие Нойс Ламбент, однако, не оправдать любой из десяти тысяч причин — или Хоремму так показалось.

Спустя пару дней он целеустремленно направился в кабинет Гобба Финжи, Адъюнк-Компьютера. (Финжи сейчас уже умер: улыбчивый близорукий толстячок из энергоцентричного столетия где-то в 600-х, которого, казалось, никогда не покидало удивление от сидения на чем-то, сделанном из обычного шаткого вещества, и он перемещался ос-

торожно, будто опасаясь, что пол вот-вот проломится под его весом.)

Хоремм взял быка за рога:

— Компьютер Финжи, я заявляю протест против вашего решения нанять на работу Нойс Ламбент.

— А, это вы, Хоремм, — Финжи поднял голову, улыбаясь ему. — Садитесь. Садитесь. Вы находите мисс Ламбент некомпетентной? Считаете, что ей тут не место?

— Не берусь судить о ее компетентности, — отрезал Хоремм, — поскольку не прибегал к ее услугам и не намерен этого делать в будущем. Она *ваша* секретарша. Но ей здесь, несомненно, не место.

Конечно, невежливо было так разговаривать с начальником, но Хоремм в юности полагал допустимым любой протест против посягательства на идеалы Вечности.

Финжи окинул Хоремма отстраненным взглядом, словно его Компьютерный разум прикидывал некие абстракции, недоступные пониманию обычного Вечного.

— В каком смысле не место, Хоремм?

— Компьютер, я удивлен, что вы считаете уместным задавать подобный вопрос. Всего отвратительней ее костюм.

— Да полноте.

— Не могу не заметить, что ее одеяние выше талии весьма скучное. — Он повертел руками на уровне груди. — Вдобавок ей свойственна непростительная ветреность.

— Хоремм, я уверен, что ее одежда и поведение по меркам ее Времени вполне уместны. Вы, как Наблюдатель, должны лучше меня это знать.

— В ее родной культуре, в привычном окружении — да, безусловно. Там бы я не поставил ей это в упрек. Однако здесь, в Вечности, такой персоне совсем не место.

Финжи ухмыльнулся. В открытую ухмыльнулся, и Хоремма бы это напрягло, если б к тому моменту в его теле осталась хоть одна расслабленная мышца.

— Я нанял ее специально, — произнес Финжи. — Она здесь с определенной важной целью. Это ненадолго. Постарайтесь перетерпеть ее присутствие.

Хоремм сжал челюсти. Он запротестовал, и его возражения отбросили под явно надуманным предлогом. Нет смысла интересоваться этой «важной целью». Компьютеры никогда не объясняют своих действий, тем паче простому Наблюдателю. Фактически они суть аристократия духа, управляющая Вечностью, и лучше с ними не ссориться.

Он неловко развернулся и пошел к двери. Финжи окликнул его, вынудив остановиться.

— Наблюдатель, а у вас когда-нибудь была... — он помедлил, словно подыскивая правильное слово, — подружка?

Хоремм ответил нарочито дословной, издевательской цитатой:

— Во избежание эмоциональной привязки к определенному Времени Вечным не позволено вступать в брак. Во избежание эмоциональной привязки к семье Вечным не позволено иметь детей.

— Я не про брак и детей вас спрашиваю, — мрачно проговорил Компьютер.

Хоремм продолжал цитировать:

— Временные связи с обитателями Времени разрешены лишь по согласованию с Центральной Коллегией Графистов и при условии, что пространственно-временной диаграммой это допускается.

— Истинно так. А вы когда-либо подавали подобное прошение, Наблюдатель?

— Нет, Компьютер.

— Ну что ж, Хоремм, вам бы стоило. Кругозор надо расширять. В таком случае детали женского костюма вас бы не так занимали.

В бессловесном гневе Хоремм вылетел из кабинета.

Он вернулся к работе и набросился на нее с удвоенным рвением. Ненависть к этой эпохе росла. Он игнорировал возмутительную секретаршу, но не мог отвлечься от ее присутствия. Каким-то образом, даже не интересуясь прямо, он узнал, что ее имя Нойс Ламбент, что она независима и богата, никому не подотчетна и по меркам своей эры аристократка. Почему же она здесь, в Вечности? Какая ж из нее секретарша?

Его подозрения насчет Финжи усиливались. Финжи легкомысленно относился к романам на стороне, даже рекомендовал их. Вечность всегда считалась с потребностью компромисса, диктуемой людскими слабостями (Хоремму сама мысль о нем была противна), но ограничения, связанные с выбором подруги, не позволяли считать компромисс хоть сколько-нибудь щедрым.

Но среди низкоранговых сотрудников Вечности ходили слухи (то ли завистливые, то ли неодобрительные), что женщины в Вечности появляются регулярно, более или менее на постоянной основе. Те же слухи твердили, что пользу из этого извлекают Компьютеры. Они, и они одни, могли решить, какую именно женщину выдернуть из Времени, не причинив тем самым Реальности вреда, чреватого квантовым изменением.

Слухи — они и есть слухи. Обвинения в адрес конкретных нарушителей так ни разу и не были подтверждены, и Хоремм всегда отвергал подобные сплетни как вздорное суесловие.

Но теперь он засомневался. *Такая женщина в секретаршах у Финжи?* О нет, это по-другому называется.

Один раз он столкнулся с нею в коридоре, опустил глаза и отступил, давая ей пройти.

Но она осталась стоять, глядя на него.

— Это вы Наблюдатель Хоремм, не так ли?

Он резко, неприветливо кивнул.

— Мне рассказывали, вы крупный специалист по нашему Времени.

— Вы пройдете или мне пройти?

Он не сумел удержаться от взгляда на нее, а она улыбнулась в ответ и медленно покачала бедрами, и от этого движения рыба кровь Хоремма бросилась ему в щеки, окрасив их гневным румянцем.

Он рассердился на себя за этот румянец, на нее за попытку заговорить с ним — а больше всего, по какой-то загадочной причине, на Финжи.

Финжи вызвал его спустя две недели. На столе в кабинете Компьютера лежали знакомые перфокарты — Всевременной Совет такие иногда присылал. После сканирования из них проявится пространст-

венно-временная диаграмма очередной миссии во
Времени, которую пожелали доверить Хоремму.

Финжи сказал:

— Хоремм, садитесь, пожалуйста, и просканируйте задание сейчас же.

Хоремм повиновался, но на середине стопки замер. Отнял от сканера тонкие листки с таким видом, словно они сейчас рискуют взорваться у него в руках, и зажал между большим и указательным пальцами.

— Компьютер Финжи, тут, наверное, закралась какая-нибудь ошибка.

— Едва ли, — ответил Финжи. — А почему вы так думаете?

— Потому что, как должно быть совершенно очевидно, дом этой женщины, Ламбент, неприемлем для моего базирования.

Компьютер поджал губы.

— Да, я понимаю. В обычных обстоятельствах, Наблюдатель, я бы приказал вам выполнять задание без лишних вопросов. В этом случае, однако, я

считаю необходимым дополнительно прояснить некоторые аспекты, коль скоро вы зашли так далеко, что обратились ко мне с официальным протестом насчет мисс Ламбент.

Финжи говорил медленно, явно подбирая слова, а Хоремм сидел неподвижно и на начальника не смотрел. Послушаем, что скажет, подумал он.

В обычных обстоятельствах профессиональная гордость побудила бы Хоремма отринуть разъяснения; не его дело задавать вопросы, сомневаться и так далее. Но в данном случае он чувствовал достаточное злорадство, чтобы приструнить профессиональную гордость.

Хоремм пожаловался. Финжи, очевидно, трусил, что он пожалуется еще раз, в более высокие инстанции, что Всевременной Совет займется расследованием вопиющего потакания Финжи прихотям своей секретарши. Финжи вынужден был поручить новое задание Хоремму, поскольку Хоремм лучший специалист в его отделе. Но поскольку Хоремм окажется слишком близко от девушки, то рискует узнать слишком много.

Финжи этого боялся. Финжи попытается представить все в свете, выгодном для себя. Хоремм, испы-

тывавший мрачное удовлетворение, приготовился слушать, но не верить ему.

Финжи начал:

— Разумеется, о существовании Вечности известно многим столетиям. Они знают, что мы занимаемся межвременной торговлей, и полагают ее основным нашим занятием. Это хорошо. Они также смутно догадываются, что мы охраняем человечество от какой-то напасти, и это более или менее верно. Мы создаем в поколениях людей образ коллективного отца, внушаем им определенное чувство безопасности, так что им в любом случае понадобилось бы о нас знать. Но кое о чем они знать не должны. Прежде всего следует утаивать от них нашу роль в квантовых изменениях Реальности. Уже давно стало ясно, что любая тревога, возникающая вследствие подозрений о возможности изменения Реальности, наносит значительный ущерб нашим трудам. Поэтому мы стараемся искоренять подобные гипотезы из Реальности, и вреда нам они не причиняют. Вместе с тем время от времени в том или ином столетии зарождаются другие нежелательные верования, и, как правило, средоточием их распространения становятся правящие классы тамошних обществ, чаще остальных с нами контактирующие и наделенные авторитетом в формировании так называемого общественного мнения. Это всегда доставляет нам не-

удобства, поскольку, искореняя из Реальности подобные опасные заблуждения, мы вносим изменения, которыми аннулируются достигнутые тяжким трудом результаты в других областях, и впоследствии их приходится восстанавливать довольно сложными способами.

Финжи помолчал, словно ожидая, не пожелает ли Хоремм прокомментировать его речи или задать вопрос. Хоремм не стал.

Финжи продолжил:

— С тех пор, как в 482-м имело место последнее серьезное квантовое изменение, Всевременной Совет следил за проявлением в этой новой Реальности определенных нежелательных тенденций. Впрочем, никогда не достигали они уровня, на котором могли бы проявиться в экстраполяциях, даже при учете поправок пятого порядка, а дальше мы забираться не рискуем во избежание накапливающихся погрешностей. По этим причинам мы сконцентрировались на рутинных Наблюдениях, и вам, Хоремм, было чем заняться. Однако новые расчеты демонстрируют, что источником этого возмущения является неожиданное и, пожалуй, беспрецедентное отношение некоторых времен этого столетия к Вечности. Всевременной Совет относится к результатам расчетов скептически и не намерен принимать их во

внимание без прямых доказательств. Именно по этой причине я подыскал представительницу аристократии, которая стремилась поработать в Вечности развлечения или острых ощущений ради. Я взял ее под плотное наблюдение, проверяя, сгодится ли она для наших задач...

Под плотное наблюдение, да уж! И снова мишенью гнева Хоремма вместо женщины стал Финжи.

Финжи продолжал:

— И она оказалась пригодна по всем параметрам. Теперь мы возвращаем ее во Время. Используя ее жилище как базу, вы сможете изучить общественную жизнь ее круга — разумеется, с оговоренными в задании предосторожностями. Я лишь намерен подчеркнуть, что вы станете наблюдателем культурных особенностей тесного, довольно специфического сообщества, и мисс Ламбент представляется идеальным инструментом для его опосредованного изучения. Теперь вам понятна ее здешняя функция?

На прямой вопрос Хоремм был вынужден ответить.

— Да, Компьютер.

— Вы согласны взять на себя это задание?

Хоремм не удержался от прощального выпада:

— Я Наблюдатель, и это мой долг. Я исполняю свой долг независимо от разъяснений цели задания.

Хоремм удалился с удовлетворенным осознанием, что, проявив высокую степень идеализма (ожидаемую от Вечного), он тем не менее дал понять Финжи, что мудреные объяснения Компьютера (интересно, как долго он придумывал их?) оставили Хоремма равнодушным.

За этой мыслью, почти незаметная ему, крылась другая: близится новое квантовое изменение в 482-м, и, как знать, вдруг оно сотрет аморальность этой эпохи, заменив ее добропорядочностью?

Дом Нойс Ламбент оказался довольно уединенным, но добраться туда из крупного города этого столетия было нетрудно. У Хоремма в мозгу была ментальная карта этого города, как и прочих. Он знал его проспекты и здания, транспортные маршруты и жизненные традиции. Он знал, какие именно районы ему следует пронаблюдать в каждый из дней своей командировки, когда совершить каждое перемещение и когда оставаться на базе.

Первый разговор с Нойс Ламбент в ее Времени был спровоцирован ее замешательством от легкого темпорального сдвига.

Она выдохнула:

— Июнь, Наблюдатель Хоремм!

— Не упоминайте здесь моей должности, — резко отозвался он. — Июнь? И что с того?

— Когда меня вызвали, был февраль, — она лукаво глянула на него и выдержала паузу, — в *этом* самом месте, и всего месяц назад.

Хоремм нахмурился.

— А какой сейчас год?

— О, тот же самый год.

— Вы уверены?

— Совершенно уверена.

У нее была неприятная привычка близко придвигаться к нему при разговоре, а легкая шепелявость (скорей мода того столетия, чем личная особен-

ность) придавала ей сходство с беспомощной девочкой. Хоремма это не одурачило; он отстранился.

— Вы обычно в этом доме весной живете?

— Нет. У меня на Средиморье дом есть.

(Хоремму этот регион был известен под более ранним именем Средиземноморья.)

— В таком случае, — сказал он, — ваши друзья ожидали бы, что вас тут не будет на протяжении этого срока, разве нет?

— Понимаю, — ответила она задумчиво. — Хотите сказать, это бы странно выглядело, возвратись я в апреле?

— Именно. Мы в Вечности стараемся следить за такими вещами. — Он важничал, будто Старший Компьютер.

— Но, получается, я потеряла три месяца жизни? — спросила она.

— Ваши перемещения во Времени не имеют ничего общего с вашим физиологическим возрастом.

— Это значит, что потеряла или не потеряла?

— Не потеряли.

— Почему вы на меня дуетесь? — спросила Нойс Ламбент на следующий вечер.

Ее плечи и кисти рук были обнажены, а длинные ноги слабо мерцали под люминесцирующим платьем, на вид как пена.

Пространственно-временная диаграмма вынуждала Хоремма в поздние часы суток оставаться в доме. Там он и ужинал, выбирая блюда, уже известные по предыдущим командировкам или местным кулинарным книгам, но прежде не испробованные. Как ни странно, ему нравилось. И, как ни странно, ему понравился пенистый светло-зеленый напиток с ароматом перечной мяты, который поднесли к ужину.

— Я на вас не сержусь, — сказал он. — Я вообще ничего к вам не испытываю.

В этот момент он был абсолютно искренен.

Они остались в доме одни. В эту эпоху женщины пользовались экономической независимостью и са-

ми могли содержать детей, не утруждая себя при желании даже вынашиванием плода, поэтому межполовые отношения лишились законов и правил. Ничего необычного в том, чтобы девушка принимала у себя дома мужчин, не усматривали; скорее наоборот, ей сочувствовали, если такого не происходило.

Хоремм прекрасно это знал и все же испытывал неловкость.

С ужином он покончил; Нойс подлила ему другой светлый пенистый напиток. У него внутри потеплело, дышать почему-то стало тяжело, и он завозился на мягком диванчике, подыскивая более удобную позу.

Девушка вытянулась на кушетке напротив, приподнявшись на локте. Узорчатое платье облекло ее, словно обнимая. Она сбросила прозрачные туфельки, которые носила весь вечер, и теперь сгибала-разгибала пальцы ног. Так втягивает и выпускает когти нежащаяся кошка.

— Забавно это было — поработать в Вечности, — вздохнула она. — И я целую вечность ждала разрешения.

Она смотрела на него. Темные волосы в какой-то миг (он не заметил, в какой именно) разметались по контрастирующим с ними кремовым плечам и шее.

Он не ответил.

— Сколько тебе лет? — промурлыкала она.

На этот вопрос он не должен был отвечать. Его возраст — его личное дело.

Он услышал собственный голос:

— Двадцать пять.

Конечно, он имел в виду физиогоды.

— Мне только двадцать два, — сказала девушка, — но ты будешь жив и молод, а я уже давно умру...

— О чем это вы? — у него мутилось в голове, он тер лоб.

— Ты живешь вечно, — сказала она. — Ты же Вечный.

Интересно, это вопрос или утверждение?

— Ты сдурела, — выговорил он. — Мы старимся и умираем, как все.

— Тогда скажи вот что, — проговорила она.

Ее голос был низким, чарующим. Язык пятидесятого тысячелетия, прежде казавшийся Хоремму грубым и неприятным, в ее устах обретал неожиданную мелодичность. Или, возможно, дело тут лишь в полном желудке и ароматном воздухе, смягчившем его слух?

— Вы видите все Времена, — продолжила она, — посещаете все места. Я бы хотела стать Вечной. Почему в Вечности так мало женщин?

Он не осмелился ответить. А что бы он мог ей сказать? Что кандидатов в Вечные отбирают со всемерной тщательностью, опираясь на два критерия. Во-первых, они должны быть по своим способностям пригодны для этой работы. Во-вторых, изъятие их из Времени не должно повлечь разрушительного эффекта для Реальности.

Реальность! Он не имел права об этом даже заикнуться. Сколько великолепных кандидатов остались обойденными по той причине, что их изъятие в Вечность повлекло бы за собой нерождение детей, бессмертия мужчин и женщин, небраки, несобытия,

неусловия, искажило бы Реальность в сторону, сочтенную Всевременным Советом неприемлемой?

Разве мог он ей объяснить, что женщины почти никогда не попадают в Вечность, ибо по непонятной причине (Компьютеры, может, и понимают, но он-то простой Наблюдатель) их изъятие из Времени искажало Реальность с десятикратно большей вероятностью, чем в случае мужчины?

(Эти мысли путались в его голове, и он уже не мог одну от другой отличить. Казалось, они тонут в низком гуле, не сказать чтобы чрезмерно неприятном. Девушка, улыбаясь, приближалась к нему.)

Он услышал ее голос, будто порыв ветра:

— Ох уж вы, Вечные! Сделай меня Вечной!

Он хотел, он жаждал ей объяснить... *Вечность — это вам не шутки, милейшая! Мы работаем. Мы работаем над детальнейшим описанием всего происходящего всекогда, от начала Вечности до эпохи, когда Земля пустеет, мы пытаемся рассчитать бесконечное многообразие вероятностей всего возможного и выбрать из него лучший вариант, а потом решить, где и когда во Времени допустимо организовать небольшое, едва ощутимое*

изменение, переводящее актуальное бытие на путь возможного бытия, а сотворив это новое бытие, ищем следующей оптимальной вероятности, и так вечно, вечно, вечно, вечно...

Он потряс головой, но вихрь мыслей не прояснялся.

Напиток?

Мятный напиток?

Она подошла еще ближе. Лицо размылось. Он так и чувствовал прикосновение ее волос к щеке, ее теплое легкое дыхание на своем лице. Он попытался отстраниться, но, как ни странно, как ни поразительно, обнаружил, что не хочет.

— Была бы я Вечной...

Она дышала ему почти в ухо, но слова казались очень далекими за биением его сердца. Влажные губы разлепились:

— Была бы я Вечной...

Он неловко, наугад протянул к ней руки. Она не сопротивлялась. Наоборот, слилась с ним и растаяла в его объятиях.

Все было точно во сне, точно с кем-то другим происходило.

Это оказалось вовсе не так отвратительно, как он себе всегда представлял.

А потом она прильнула к нему, вытянулась и начала шептать, сверкая глазами:

— Вечность... Вечность...

Снова и снова.

Пространственно-временной график не допускал подобного. Но почему-то в тот миг Хоремм испытал новый мощный прилив возбуждения, при мысли о Финжи. И он не чувствовал вины. Скорее удовлетворение. Триумф.

В конце концов он вернулся в Вечность, но перед тем, как расстаться с Нойс, поцеловал ее руки и крепко прижал к себе.

Он с трудом сдерживал усмешку, представляя Финжи свой доклад. Финжи не поднял взгляда, но лишь скользнул глазами по перфокартам, словно

выхватывая из них опытным оком слова и фразы и переводя их в символы, будто где-то в глубинах его математического ума уже сплетались уравнения.

— Проверим, — сказал он спокойно. — А с вами что происходило, Хоремм?

— Со мной, Компьютер? — пробормотал Хоремм, и вдруг уверенность покинула его.

— Да. Вы провели ночь в доме этой дамы. Провели ведь, так? Всё по графику.

— Да, сэр.

— И? Все ли существенные для дела подробности отражены в вашем докладе?

Финжи испытующе глядел на него. Хоремм воззвал к своему чувству долга. Наблюдатель должен докладывать обо всем. Идеальный Наблюдатель — чувствительная псевдоподия, выдвинутая из Вечности. Индивидуальность Наблюдателя не может конфликтовать с его долгом.

Нижняя губа Хоремма мимолетно задрожала, но не от страха, гнева или стыда, а от прилива внезапных воспоминаний о том страстном вечере.

Он начал рассказ о том, что не вошло в доклад.

Спустя некоторое время Финжи поднял руку и резко произнес:

— Спасибо. Достаточно.

Хоремм возвратился к себе в кабинет для мысленного тоста за победу. Конечно, Финжи должен был об этом спросить, и, конечно, толстяк не удержался бы об этом услышать.

Финжи ревновал! Хоремму это теперь стало очевидно. Впервые за всю жизнь он испытал чувство, значившее для него больше, чем ледяная верность идеалам Вечности. Он собирался поддерживать в Финжи эту ревность, и пусть весь мир — Финжи, Всевременной Совет, сама Вечность — пропадет пропадом, если его попытаются разлучить с Нойс.

Хоремм подал первый запрос о выходе в 482-е по личным делам спустя два дня. Ему полагалось бы выждать положенные пять дней, но он не смог.

Ему отказали.

Он вполне ожидал этого. И ринулся в кабинет Компьютера Финжи: с губ у него готовы были сорваться заготовленные слова.

— Мой запрос о выходе в это столетие был отклонен... — начал он.

Финжи перебил его:

— Вы хотели увидеться с мисс Ламбент?

— Да.

Он постарался вложить в этот слог всю свою решимость.

— Произошло квантовое изменение. Вы разве не поняли?

Хоремм побелел, как стенка. Он забыл.

— Квантовое изменение?

— А для чего, по-вашему, нужна была эта информация?

— Квантовое изменение?

— Сравнительно небольшое, не переживайте.

— Тогда...

— Но мисс Ламбент больше не существует. Если, конечно, не считать воспоминаний всех нас, Вечных, знакомых с нею. Новая Реальность исключает ее существование. В ней она никогда не рождалась.

Хоремм попятился и осел в кресло.

Финжи продолжал:

— Я же пояснял вам. Я же рассказал, какие трудности порой возникают с неожиданно зародившимися во Времени гипотезами насчет Вечности. В 482-м получилось именно так. Исходя из имевшихся данных, мы пришли к косвенному выводу, что среди элиты этого столетия, а особенно женской ее части, зародилось представление, будто Вечные на самом деле Вечны, что они живут вечно.

(Хоремму припомнилось короткое, деловитое заявление Нойс.

— Ты живешь вечно.

Но он же отрицал это.

Он прилагал чудовищные усилия, чтобы не завопить.)

Финжи не унимался:

— Что еще хуже, среди аристократок распространилось суеверие, будто интимная близость с Вечным делает смертную женщину — одну из них — бессмертной.

(О, как четко Хоремм снова слышал ее голос:

— Будь я Вечной... Сделай меня Вечной!

Но слова тонули в поцелуях, запомнившихся ему лучше.)

— Тяжело было в такое поверить, Хоремм, — продолжал Финжи. — Беспрецедентное явление. Если бы это оказалось правдой, то суеверие и его причины подлежали бы искоренению. Прежде чем действовать, нужно было проверить на месте. Мы выбрали мисс Ламбент как типичную представительницу ее класса. И выбрали вас, как второго субъекта эксперимента...

Хоремм взвился на ноги.

— Выбрали *меня* как субъекта?

— Это не является чем-то обычным. Но так было нужно...

— Нужно, говорите? Гнусное вранье!!! — Хоремм уже не пытался выбрать выражений.

Финжи посмотрел на него широко раскрытыми глазами, оттопырив задрожавшую пухлую губу.

— Да как вы смеее, Наблюдатель?!

— Я утверждаю, что вы врете! — заорал Хоремм. — Вы ревнивец. У вас были свои планы насчет Нойс, но она выбрала меня. *Меня!* Вы теперь пытаетесь меня убедить, что она... она действовала так, желая стать бессмертной, а я вам говорю, что *нет!* Не так всё было. Ваша ложь не обесмыслит того, что между нами было, вы ее от меня не спрячете. Она существует, и я отправлюсь туда... и я...

Хоремм почти не слышал себя, хотя орал во все горло, так, что саднили легкие. Перед глазами кружилась и уплотнялась темно-красная дымка. Он почувствовал давление от вжатой в щеку плитки пола, хотя сначала не испытал боли.

Но вскоре боль пришла. Он скреб пальцами по полу, словно пытался за него ухватиться. Ненавист-

ный голос Финжи звучал в его ушах, хотя Финжи обращался не к нему. Компьютер говорил по хронофону. Это Хоремм осознавал даже в бессилии своем. Он слышал, что говорит Финжи, но встать с пола и наброситься на него не мог.

Финжи говорил:

— ...никакого понятия, что это окажет подобный эффект... Да, он был самым естественным кандидатом, возможно, единственным. Зашоренный; горделивый; неказистый. И если бы девушка осознанно... Да. Несомненно, она поступила осознанно. Из его доклада это совершенно четко следует. Загляните в приложение... Да, госпитализация и лечение, это уж наверняка. Он из лучших специалистов в своей области. Я бы не хотел его лишаться.

Госпитализация и лечение. На это ушли месяцы физиовремени, но когда все закончилось, любой знакомый Хоремма поклялся бы, что тот снова стал самим собой.

И он вполне мог таким показаться, но теперь в его сознании существовало нечто новое.

Нойс!

Что проку твердить, будто ее не существует? Она существует. В его мозгу. И пока он жив, она там пребудет, а другой женщины он не хотел.

В ней он обрел утешение.

Он поднял — или, точнее, выволок — со дна своей души бездушную эффективность, превосходящую даже ту, какую ранее демонстрировал в работе. Он вскарабкался по уровням классификации Наблюдателей до Техника.

Он привлек внимание не абы кого, а самого Твиссела, Старшего Компьютера, и по просьбе Твиссела был к нему прикреплен личным Техником. За последние три года он лично перемещал предметы, выключал освещение, поворачивал регуляторы, конспектировал подслушанные разговоры, выполнял еще сотню и одну не слишком важных, на первый взгляд, задач, каждым деянием своим низвергая в небытие великое множество людей и вещей, а вызывая к новобытию великое множество прочих.

Но его больше не занимали покидающие Реальность люди и объекты, а Нойс ни разу не проявилась среди тех, кто в ней возник. В первые годы после катастрофы он поддался сумасбродной иллюзии, что где-нибудь, когда-нибудь, после очередного кванто-

вого изменения во Времени Нойс Ламбент возникнет снова. Однако более тщательное изучение вопроса опровергло ее. Тянулось физиовремя, и он был вынужден примириться с отрицательным ответом. В бесконечности Реальностей вероятность выбора той, где существовала Нойс, составляла один на бесконечное число, или (говоря проще и ужаснее) стремилась к нулю.

И тогда, рискуя сломаться под гнетом тщетности своих усилий, он обрел новую цель в жизни. Он сперва и не сообразил, что это она и есть. Понимание сформировалось медленно, однако помогло Хоремму смириться с жизнью, работой и существованием Компьютера Твиссела. Он мирился с язвительной и склочной натурой Старшего Компьютера. Он стоически сносил все выходки гения. Больше всего тягот доставляло ему пристрастие Твиссела к горящим и дымящим цилиндрикам из бумаги и табака — прежде Хоремм никогда и не слышал о подобной привычке, а тем более не сталкивался с этим вредным пристрастием. Он обонял мерзкий дым, кашлял и задыхался, но не жаловался словесно, не позволял себе косых взглядов и лишь изредка давал волю мыслям. И все это ради великого проекта Твиссела.

Сегодня, в этот самый день, когда он возвращался из вылазки в 2456-е, проект должен увенчаться триумфом.

Это должно было свершиться сегодня, с прибытием юноши по имени Бринсли Шеридан Купер, которого Хоремм лично идентифицировал и выследил среди квинтиллиона вероятностей, действуя с энтузиазмом, превосходящим обычное служебное рвение и граничащим с пламенной страстью.

6

На обратном пути из 2781-го Купер притих. Его слегка подташнивало. Космопорт бурлил жизнью. Теперь там никого не было. Это не обязательно значило, что все те люди перестали существовать. Они где-то в других местах, с иными жизнями, иными воспоминаниями, и если кто-нибудь растворился в небытии, то на смену им пришли новые.

Он твердил себе, что так будет лучше. Так лучше.

«Чайник» мчался в низовремя, скользя среди столетий. Когда капсула наконец остановилась, и они вышли назад в 575-е, старый Компьютер наморщил лоб горизонтальными складками до самых бровей и спросил:

— Тебе нехорошо, мальчик мой?

— Нет, сэр, — не слишком убедительно пробормотал Купер, — со мной все в порядке.

— Тогда пройдем ко мне в кабинет, — сказал Твиссел.

Они направились туда. Встречные уступали дорогу, группы расступались, слышались приветствия, но Твиссел ни с кем не здоровался в ответ. Купер пристыженно потупился и поспешил за ним, стараясь не отставать.

Он обрадовался, когда за ними наконец затворилась дверь комнаты чистого фарфорового оттенка, похожей на асептическую больничную палату. Одна стена кабинета от пола до потолка была заставлена вычислительными модулями, объединенными в один из крупнейших Компьютаплексов Вечности — и уж наверняка самый мощный из частных. Противоположную стену закрывали стеллажи справочных пленок. Между ними простерлось нечто вроде полноценного коридора, со столом, двумя стульями, записывающим и воспроизводящим оборудованием, а также странным предметом, чьего предназначения Купер не понимал, пока не увидел, как Твиссел стряхивает туда неприятно пахнущие остатки сигареты.

Сигарета бесшумно вспыхнула и исчезла, а Твиссел, в обычной для себя манере фокусника, уже выудил следующую.

Купер задумался, а настанет ли когда день, в который его собственная работа спровоцирует квантовое изменение. Изменение, которому он сможет приказать: «Меняйся! Здесь и сейчас!» Каково ему будет это испытать?

Его Наставник, Мэнфилд, однажды предостерег его на сей счет.

— Невозможно, — сказал он, — управлять жизнью человечества и не испытывать вины. Именно по этим причинам даже величайшие Компьютеры осторожничают, сторонясь малейших экстраполяций и опираясь на машинный анализ. Всю вину и всю ответственность стремятся переложить на машины. И тем не менее...

С этими словами Мэнфилд обрел задумчивый вид и не закончил фразы.

В другой раз, на одном из послеобеденных занятий в неформальной обстановке, Мэнфилд обратился к пятерке ребят:

— Почему изменения Реальности должны носить столь радикальный характер, а? Почему бы не прибегать к исключительно селективным вмешательствам, которые бы изменяли жизнь тут, жизнь там — и не более? Почему целые столетия становятся их полем влияния?

Его грустное лицо, исполненное спокойствия, порозовело и придало Наставнику сходство с человеком страсти, которым Мэнфилд не являлся.

— Подумайте об этом, господа, — продолжал он. — Настанет день, и у вас от зубов будет отскакивать математическое объяснение этого факта, но достаточно ли его вам? Если десять человеческих поколений претерпят изменения после вашего вмешательства, направленного на переделку или откат действий полудюжины индивидов, — по-прежнему ли будут вам казаться такими благочестивыми ваши уравнения? Вы обязаны проникнуться осознанием необходимости. Легко вообразить, что каждый жест, представленный в Реальности, изменяет ее, что каждый шаг и взгляд, каждый кивок и каждое сдержанное покашливание вносят свою лепту. Что крошечные раздражители приводят к столь же незначительным переменам. Но это не так. Так не бывает, господа. Реальность наделена имманентной устойчивостью. Толкните ее слегка, и, подобно лодке на пруду, она чуть покачается, но не опрокинется. И

постепенно восстановит исходное состояние. Чтобы вообще вести речь об изменении Реальности, следует толкнуть ее так, что у нее шарики за ролики заедут, простите уж мне такую метафору. Вещество и энергия квантуются, и Реальность тоже. А квантовые изменения значительны. Такими они должны быть. Потому выбора у вас не остается, господа. Если вообще хотите помогать человечеству, готовьте себя к работе с миллиардами жизней за один присест. Лодку нужно перевернуть, а не раскачать.

И внезапно, не оглянувшись на интернов, не дожидаясь вопросов, он развернулся и вышел из комнаты. Молодежь немного пошумела между собой, но не пришла ни к какому выводу. Мэнфилд был прекрасным преподавателем, и, как все такие наставники, не чужд странностей.

Спустя полчаса Мэнфилд вернулся, спокойный, собранный, немного бледный. Обсуждение он возобновил с холодной целеустремленностью, но лишь в математических категориях.

— Ага, — сказал вдруг Твиссел, — вот и Хоремм.

Купер вышел из задумчивости, поспешно поднялся и стал вежливо дожидаться, пока его представят.

Твиссел бросил:

— Мой Техник, Андерс Хоремм. А это Бринсли Купер из 28-го.

Он добавил, обращаясь к Куперу:

— Техник Хоремм произвел квантовое изменение, за которым тебе довелось наблюдать.

Купер непроизвольно отстранил протянутую руку. Это *тот самый* человек? Его передернуло при взгляде на длинные, увитые венами руки, которые сотворили это. Да, похоже, что выражение тоскливого уныния на лице неподдельное, и объясняется оно не только проделанной недавно работой.

Твиссел продолжил:

— Да ладно, мальчик мой, не стесняйся. Ты ведь не суеверен насчет квантовых изменений, а?

— Н-нет, сэр, — выговорил Купер. — Вовсе нет. Я очень рад встретить вас, сэр, очень рад.

Он поспешно протянул руку еще раз.

Техник задержал его руку в своей на миг, смерил холодным взглядом и проговорил:

— Не сомневаюсь. Только не переигрывайте.

Купер смутился и подумал возмущенно: *Да, он мне не нравится, ну и что?*

Твиссел потер руки, прилепив сигарету в уголке рта.

— Все ли готово, Хоремм?

— Полностью готово, Компьютер.

Твиссел не сводил глаз с Купера. Нервно потирая руки, он смотрел на него так, словно в ближайшие несколько минут должна была наступить развязка дела всей его жизни. Он обратился к Хоремму:

— Этот юноша изучал первобытные времена, Хоремм, странное время до начала Вечности. Он исследовал неизменную Реальность, ту, где история следовала неотвратимым курсом безумия, страданий, бедности, болезней, войн и голода, недоступная изменениям и улучшениям.

Купер удивленно посмотрел на Хоремма. Техник прикусил нижнюю губу до крови, тело его содрогалось.

— Я это знаю, Компьютер. Времени мало.

Твиссел нетерпеливо отмахнулся.

— Помню. Ну что ж, молодой человек, догадываетесь ли вы о том, ради чего все это затевается?

У Купера саднило в горле от дыма сигарет Твиссела, сердце готово было выскочить из груди. Он услышал собственный на удивление спокойный голос:

— Полагаю, что да.

В прошлом, пытаясь вообразить себе подобную сцену, Купер представлял, что Твиссела это его заявление потрясет. Но Твиссел вообще не удивился, и Купера кольнуло разочарование. Твиссел лишь просиял и подбодрил:

— Так расскажи.

Купер, преодолевая досаду, начал:

— Как вы справедливо указали, я специалист по первобытной истории. Наставник Мэнфилд отделил

меня от остальных и заявил, что выполняет приказ. Мои исследования в особенности касались 24-го столетия, того самого 24-го столетия, в котором жил Харви Мэллон.

— Отлично, отлично, — проговорил Твиссел. Его собравшееся в складки морщин лицо навело мысль о добром гномике.

Купер, набравшись смелости, продолжил:

— Меня поразило, сколь мало имеется информации об изобретателе механизма путешествий во времени. На подготовительных курсах мне задали прочесть одну из ваших статей. Я заинтересовался и в свободное время просмотрел другие ваши работы. Мне представляется вероятным, что ваши результаты ведут к единственно логичному, хотя и не сформулированному в явном виде заключению.

— Ты слышишь, Хоремм? — довольно перебил его Твиссел.

— Слышу, — ответил Хоремм.

Купер произнес:

— Напрашивается неумолимый вывод, что Харви Мэллон не мог изобрести темпоральное поле в 24-м

столетии. И никто не мог. Математической основы для этого еще не существовало. Фундаментальных уравнений Лефевра не существовало. И сформулировать их не сумели вплоть до 27-го века, когда Ян Вердеер провел свои опыты.

Твиссел возразил:

— Но что, если Мэллон наткнулся на свое открытие, не осознавая его математической подоплеки? Что, если оно имело чисто эмпирическую природу?

— Если верен ваш собственный анализ исходных чертежей темпорального генератора, то подобное невозможно. Там на сотню ладов обыграны уравнения Лефевра. Никаким иным образом, не случайно, не по успешному наитию, не мог бы Мэллон сконструировать настолько экономичное и эргономичное устройство.

— Да. Да.

Купера охватил прилив уверенности. Он торжествующе закончил:

— Только одним способом мог Мэллон ознакомиться с уравнениями Лефевра. Ему о них рассказал пришелец из будущего, из Вечности. Я прав, сэр?

— Совершенно прав, мальчик мой. Я был уверен, что ты придешь к такому выводу на основании пережитого. Если ты тот, кто нам нужен, иначе быть не могло. Обязательная проверка, не так ли, Хоремм?

Хоремм покосился на Твиссела, и в его темных глазах что-то мелькнуло.

— Вы здесь Компьютер, сэр. Но, да, какой другой смысл был бы утаивать от него подлинное предназначение проекта? Конечно, другого смысла быть тут не могло?

— Конечно же, не могло, — сердито буркнул Твиссел. Он швырнул сигарету на пол и гневно раздавил подошвой обуви.

Хоремм покорно склонился, двумя пальцами подцепил окурок и опустил его в мусороприемник. Еще несколько минут продолжал он медленно стряхивать приставший к пальцам пепел, снова и снова, снова и снова.

Купер заметил этот обмен репликами, но не придал ему значения. Теперь, получив наконец подтверждение своих подозрений, он ощутил слабость. Он знал, что она означает; то был страх. Он сказал:

— Так, значит, это *правда*. Именно я должен отправиться в 24-е...

Твиссел перебил его:

— Ты получил фундаментальную подготовку по истории этих столетий. Ты сможешь акклиматизироваться там и выполнишь задание.

— А если нет? — Внезапно осознав масштаб невероятной ответственности, он ощутил, как пол уходит из-под ног, и осел на стул. — Если я совершу ошибку, то процесс создания темпорального поля будет нарушен. Я сделаю невозможными опыты Вердеера. Я подорву весь базис развития Вечн...

Твиссел мягко, но настойчиво вмешался:

— Ты не совершишь ошибки, сынок. Реальность первобытных времен единственна. Ты уже побывал там. Ты уже справился с заданием. Ты уже преуспел. Ты обязан помнить об этом. Ты отправишься далеко в низовремя со знанием того, что уже выполнил свою работу. А теперь позволь вручить тебе чертежи темпорального...

Купер вскинул голову. Перед ним была маленькая катушка пленки в полупрозрачном контейнере.

— Но это ведь чертежи установки Мэллона! — потрясенно воскликнул он.

Это не могло быть ничем иным. Он видел этот предмет в музее первобытных искусств и наук своей родной эпохи. Полупрозрачный контейнер розового оттенка, с оттиснутой на нем картой одного из регионов Северной Америки.

— Да, это чертежи установки самого Мэллона.

— Но как?.. Они же принадлежали ему. Если я возьму их и передам ему, а он оставит их нам, чтобы мы их забрали и передали ему, а он использовал их... — Купер слабо рассмеялся. — Замкнутый круг. Это невозможно. Кто начертил схемы в самый первый раз? Где начало круга? Это невозможно.

— Парадоксов во Времени не бывает, сынок, — сказал Твиссел. — С возрастом ты все чаще станешь убеждаться, как это верно. Я, выходец из 1025-го столетия, санкционировал квантовые изменения, одним из результатов которых могла стать гибель моего дедушки во младенчестве, но вот он я. Все кажущиеся парадоксы порождаются времяцентричным мышлением, а не вечноцентричным. Время существует всё одновременно, как и Пространство. Лишь наши человеческие ограничения, действительные даже здесь, в Вечности, заставляют нас

воспринимать Время последовательностью моментов. Представь себе чертежи Мэллона подобием маятника, который раскачивается во Времени туда-сюда. И что с того? А если маятник колеблется в Пространстве, что с того?

Компьютер очень осторожно положил руку на его плечо. Купер поднял голову. Морщинистое личико, взиравшее на него, расплывалось перед глазами. Молодой человек поморгал, но размытие не исчезло.

— Пора тебе в 24-е, сынок, — сказал Твиссел.

Купер ответил:

— Я готов. — И добавил со слабой усмешкой: — Я привык быть готов. Я ведь там уже побывал.

За следующие два часа Купер много чего узнал.

Он познакомился кое с какими инструментами Вечности. Ему объяснили, что, помимо «чайников», применяемых для перемещения по Вечности, существуют и устройства, которые можно вытолкнуть за ее пределы. Аппарат напоминал обычный «чайник», но к нему была присоединена сложная конст-

рукция, чьи сборные шины управляли энергопереносом на скоростях, которые Купер даже не осмелился представить.

Хоремм корпел над ее костяком и начинкой, что-то проверяя, настраивая, и за все время на его лице не дрогнул ни один мускул.

Купер многое узнал о своей миссии. Твиссел говорил быстро и не всегда связно. Но раз за разом возвращался к хрупким пленкам в руках Купера.

— Ты окажешься в хорошо защищенном и уединенном месте, в тщательно рассчитанном году. С тобой пошлют еду, воду, средства самозащиты и укрытия. Пленки не сумеет прочесть никто, кроме тебя. В них ты найдешь дальнейшие инструкции. Когда наступит время возвращаться...

— Как долго, сэр? — спросил Купер.

Твиссел помедлил.

— Не уверен. *Два года.* Двадцать лет. Два дня. — Его тон стал резким. — Я и сам не знаю, молодой человек, даю слово. Когда бы это ни произошло... когда бы ты ни возвратился в то же место, куда прибыл — среди оборудования, которое с тобой зашлют,

будет бэрровский локатор фиксированной настройки, — «чайник» активируется.

Старческий голос продолжал скрипеть. Хоремм выпрямился, положил правую руку на лимб одного из фарфоровых регуляторов и погрузился в ожидание.

Твиссел заговорил требовательно, торопливо:

— Мы не осмелились подделать их меновые эквиваленты и мелкие товары. У тебя будет золото в небольших слитках, и...

Почему мне раньше об этом не рассказали? метались мысли Купера. Я не смогу. Я не...

Купер кое-что узнал и о себе. Он понял, что стремиться к великой цели в романтическом предвкушении испытаний — не то же самое, что очертя голову бросаться им навстречу. Он осознал, что не такой взрослый, каким себя считает, не такой смелый, каким сам себе казался, и не настолько наивный идеалист, каким мнил себя.

И он понял также, что вопреки всему этому он намерен преуспеть в порученной ему работе.

Твиссел снова взялся предупреждать его о том, какую информацию *не следует* разглашать, наставлять в том, какую информацию *необходимо* предоставить, осекся и с еще большим нетерпением провозгласил, что Купер не может потерпеть неудачу, поскольку первобытная история неизменна, а он уже и так все сделал правильно.

Купер едва слушал его. Он забрался в «чайник», с легким интересом отметив, как тесно пространство капсулы и как умело, несмотря на это, там разместили груз.

— Ты готов? — наконец спросил Твиссел. Он стоял прямо перед Купером, расставив ноги, в кои-то веки держа сигарету неподвижно между испятнанных пальцев, и от нее медленными завитками поднимался дымок.

Купер с неожиданным изумлением подумал: *Он боится даже больше моего.*

Как ни странно, эта мысль придала ему отваги. Воспрянув духом, он ответил:

— Я готов.

Последним, что он увидел, прежде чем накатил приступ странного головокружения с затянувшей поле зрения серой пеленой, были движения рук Хоремма: пока левая рука замыкала контакт цепи, пальцы правой, на которую Техник не смотрел, резко, грубо крутанули фарфоровый диск регулятора.

7

Старший Компьютер Твиссел видел, что у него руки трясутся, и злился на себя. Мальчишка отбыл. Долг исполнен. Манипуляция удалась идеально. Все закончилось. Но почему руки, которые он приложил ко лбу, влажны и липки от холодного пота? Он кто, Младший Компьютер в трясучке перед первым квантовым изменением или великий Твиссел? Все кончено, все завершено, черт побери.

Он произнес это вслух, гневно:

— Все закончилось!

— О да, Компьютер Твиссел, — сказал Хоремм.

Твиссел замер.

— Что?..

Он почему-то всякий раз не ожидал, что Хоремм когда-нибудь заговорит иначе, нежели отвечая на прямой вопрос. Когда такое происходило, Твиссела неизменно охватывала мимолетная иллюзия, будто это говорит продолжение его самого, его рука или нога, внезапно обретшая дар речи, как Валаамова ослица в древнем мифе.

Но Хоремм не просто заговорил. Он улыбнулся. Твиссел никогда еще, за все время их совместной работы, не видел, чтобы Хоремм улыбался. Он устал на Техника. Рот Хоремма искривился, обнажились зубы: очень похоже на улыбку, но теплоты никакой. В глазах елейная издевка.

Твиссел очень устал, поэтому решил грубо прикрикнуть:

— Хоремм, да какого черта с тобой творится?!

— Все закончено, — сказал Хоремм. — Все завершено. Я счастлив.

— Отлично. Я тоже счастлив. А теперь бросай лыбиться на меня. Возьми отпуск. Несколько дней отдохни. Ты заслужил.

— Вы не всё знаете, Компьютер, — ответил Хоремм. Ухмылка не сходила с его лица.

Твиссел яростно затянулся сигаретой и скурил ее почти до фильтра, так что чуть пальцы не обжег. Глубоко втягивая дым легкими, он с силой выпустил его через раскрытые губы.

— И чего же я не знаю, Хоремм?

Его раздражение нарастало. Он был совсем не в настроении для балаболизма.

— Вы не знаете, *почему* всё кончено. Вот с этим. С вами. Со мной. И с Вечностью!

— Время тебя побери, человек, что ты несешь? Ты-то что об этом знаешь?

— Я знаю! — Хоремм двинулся на него. Твиссел отскочил. В неожиданном приступе острой тревоги он припомнил то, о чем обыкновенно старался не размышлять. У Техника с психикой было не всё в порядке. И Твиссел это знал, когда назначал его своим личным Техником, но бездушная эффективность Хоремма, фанатичная верность идеям Вечности в любом случае должны были *зигдиться* на невротическом базисе. Твиссел нуждался именно в таком стальном фанатике — для личных целей. И уж точно за проведенные с Твисселом годы Хоремм ни разу не дал Компьютеру поводов усомниться в себе.

Да, у него с головой не все в порядке (а у кого из нас все в порядке, спрашивается? — упрекнул себя Твиссел), никто бы не счел его приятным человеком, но его верность была абсолютна, и если б не он, проект, скорее всего, так и не удалось бы осуществить.

Но теперь Хоремм изменился до неузнаваемости. Он подбирался к Твисселу, тянул к нему худощавые руки, точно пытаясь убедиться, что плоть Твиссела настоящая, что Твиссел действительно стоит перед ним, что это все не сон.

Только так мог Твиссел истолковать выражение лица Хоремма. Наверное, Техник настолько рад, что поверить не может в успешное завершение дела. Неужели такова и была подлинная его натура, проявившаяся только сейчас?

— Хоремм, — произнес Твиссел, — ты переутонул.

Но Хоремм только головой качал.

— Компьютер, поймите. Вечности крышка. С ней покончено. Вы думаете, Вечности нет конца? Считаете ее вечной? А подумайте как следует. Вечность, возможно, и бесконечна во Времени, но в Реальности ей можно положить конец. Вы понимаете, да? Вы же Компьютер. Вы очень умный человек.

Твиссел начал догадываться. И затрясся всем телом.

— *Хоремм!!!* — завопил он.

Ухмылка Хоремма исчезла, но злорадный яростный блеск в глазах сохранялся.

— Да, Хоремм. Всего-навсего Наблюдатель и Техник. Подопытный кролик Финжи. Тысяча Реальностей настала и канула в небытие с начала Вечности. *Вы* помните все Реальности, которые *вы лично* изменили, а, Компьютер? Я помню одну из них. Вы изменили 482-е столетие десять физиолет назад. Вы добавили свою подпись к анализу Финжи. Я потом много разузнал о том небольшом квантовом изменении, но помните ли вы? Финжи умер. Черт бы его побрал, гаденыша, он слишком быстро умер. Но вы-то живы. Вы должны помнить.

Твиссел вклинился в извергаемый без передышки поток слов другого:

— Но как я...

Что он хотел сказать, осталось неизвестным, поскольку Хоремм заорал на него:

— Как *можете* вы помнить, да? Столько изменений, что миллиард-другой жизнью туда-сюда для вас суший пустяк. Что значат поколения человечества для Компьютера, который властен их уничтожить, не моргнув глазом! Приказано сделать! Сделано! Ничто на Земле не остается неизменным. Кто дал вам право? *Кто дал вам право?* — Техник потрясал в воздухе сжатыми кулаками. Твиссел скользнул к двери, но Хоремм опустил руки и тут же метнулся ему наперерез. — Нет, Компьютер, вы меня выслушаете. Я вас пять лет слушал, и вы уж будьте так добры уделить мне пару минут. Вам никогда не приходило в голову, что жертва ваших поправок может исполниться желания отплатить той же монетой?

Твиссел просипел:

— Что ты наделал?

Хоремм ответил:

— Я сам изменил Реальность. И не только для бедолашных времен. Для нас тоже. Подумайте об этом. Осознайте. Свыкнитесь. Вскоре — завтра? в следующем году? в следующую минуту? — настанет конец Вечности.

— Это невозможно, — прошептал Твиссел.

— Еще как возможно. Еще как! — завизжал Хоремм. — Вы послали этого парня обратно в 24-е вдохновить изобретателя на открытие, положившее начало Вечности. А что, если никого он не вдохновит? Что, если Вечность *никогда не возникнет*? Парень спрашивал, откуда взялись чертежи темпорального генератора. Вы ответили, что они колеблются туда-сюда во Времени, как маятник — в пространстве. Но что, если кто-нибудь перережет нить маятника? Что, если кто-нибудь вмешается в темпоральные колебания драгоценных чертежей?

— Что ты наделал? — повторил Твиссел.

— Вы наверняка и сами догадываетесь. Замыкая цепь, которая должна была отправить Купера назад во Времени, я одновременно повернул темпоральный регулятор. Его отправило *не* в 24-е, а в какое-то более раннее время. На сотни лет раньше. Не знаю, в какой год. Даже не представляю, в какой век. Я не смотрел на регулятор, когда крутил ручку, и прежде чем выпустить, прокрутил еще раз. И *этим* разорвал автоматическую петлю обратной связи «чайника» с определенным моментом Времени, которая понадобится, когда и если Купер попытается активировать его снова, для возврата. Он потерян, Компьютер, навеки затерялся в первобытной эре. Ткань Реальности уже растягивается — с каждым следую-

щим мгновением пребывания Купера в столетии, которому он не принадлежит. Рано или поздно изменения, внесенные им, достигнут квантового предела — мы же с вами всё знаем про квантовые изменения, э, Компьютер? — и Реальность нанесет ответный удар. Вот только на сей раз — ничего похожего на те квантовые изменения, какие нам с вами привычны. На сей раз изменение будет всеобщим, затронет даже Вечность, потому что этим квантовым изменением окажется отменено открытие темпорального поля. И вот тогда-то я наконец рассчитаюсь с вами, с Финжи, со всеми остальными, перейду в новую, неизменную Реальность и снова найду Нойс...

Он дико замахал руками и грянулся на пол в жутком хохоте, плечи его обвисли и тряслись, но он продолжал смеяться, как безумный, пока не охрип.

Твиссел уставился на него, окаменев от ужаса. Треск Хореммова хохота наконец стих. Техник застыл в неподвижности.

Тогда Твиссел выскочил из лаборатории и заорал во весь свой визгливый старческий голос, да так, что едва не охрип сам:

— Кто-нибудь! Немедленно найдите мне Наставника Мэнфилда из 28-го! Мэнфилда из 28-го, вызовите мне его немедленно! И скорую помощь! *Да шевелитесь же вы, придурки!* Мэнфилда! Наставника из 28-го! Ко мне!

8

Дженро Мэнфилд некогда характеризовал себя как «пацифиста» перед весьма важным собранием: комитетом по служебным взаимоотношениям при Всевременном Совете. Около девяти физиолет назад он предстал перед ними и принялся расхаживать туда-сюда нервической, шаркающей, косолапой походкой, сутуля широкие плечи, ероша засаленные каштановые волосы и всем тяжким выражением усталого лица демонстрируя, как он несчастен.

— У нас тут в Вечности идет война, — объяснял он среди прочего, когда начали обсуждать прошение, представленное им за месяц до встречи комитета. — С кем или чем мы воюем, я не вполне уверен. Возможно, с Реальностью. Или с идеализированным машинным представлением о людских бедах. Я полагаю, что наши цели благородны, но средства — безжалостны. Я, Компьютер, был офицером на этой войне; исходя из совершенного мною доселе, я бы

оценил свой ранг как примерно соответствующий званию майора. — Его медленная речь стала еще сбивчивей, когда он замялся, подыскивая метафору, и затем привычным, до автоматизма отлаженным движением мысли переключился на терминологию первобытных веков, в исследовании которых черпал равно утешение и наслаждение.

Он заметно встряхнулся, собираясь с мыслями, и снова провел рукой по взъерошенным волосам.

— Я по складу характера к такой роли не пригоден. Если это война, то я в ней больше не могу участвовать. Нет смысла урезонивать меня, убеждать, что войну мы ведем за правое дело, что мы обязаны сражаться. Я пацифист. Я не могу сражаться.

Председатель комитета уточнил, чем же в таком случае намерен заняться Мэнфилд. Несомненно, ему известно, что отставка из Вечности и возвращение в Родное Время невозможны. Отправить его на пенсию в возрасте сорока физиолет — значит создать опасный прецедент. Не желает ли он отозвать свое заявление, а вместо этого попросить госпитализации и лечения?

Мэнфилд оставался непреклонен. Он в полной мере отдавал себе отчет, что Компьютера его ранга нельзя подвергнуть подобной процедуре без 1) его

согласия или 2) прямой и явной угрозы психического заболевания. Второе крайне сложно доказать, а первое они от него не получают.

Он снова указал на свое прошение и сказал, в частности, следующее:

— Я не прошу увольнения, но лишь перевода в тыл. Если меня припишут к 28-му столетию, это позволит мне продолжать свои исследования в спокойной обстановке, в тихой секции, где изменения Реальности нечасты и несерьезны.

Метафора оказалась навязчивой.

Председатель комитета спросил, в полной ли мере он осознает ценность опыта и знаний Компьютера, понимает ли, какую тяжкую утрату понесет Вечность в случае его добровольной отставки с поста Компьютера, и отдает ли себе отчет в том, как тяжело будет найти ему замену.

Мэнфилд ответил:

— В нынешнем моем состоянии пользы вам от меня как от Компьютера все равно никакой. Однако я хотел бы остаться Наставником. Не будете же вы отрицать, что Наставники не менее важны для Вечности, чем все остальные профессии, и среди них

тяжело будет найти равного мне по квалификации специалиста.

Сомнительно, чтобы комитет согласился даже на подобное компромиссное решение, если бы не Лабан Твиссел, который в то время там заседал. Прежде он молча наблюдал за происходящим, не переставая курить, а тут вдруг оживился и выразил свою горячую поддержку.

На следующий день, встретившись с Твисселом наедине, Мэнфилд постарался поблагодарить коллегу так, как только было в его силах, ибо официальное подтверждение перевода на новую должность уже лежало у него в бумажнике.

Твиссел небрежно прервал его благодарственные излияния быстрым, птичьим взмахом ручки, в которой держал сигарету. Эта рука, эта лысеющая голова со впалым лбом, эти лучившиеся интеллектом глаза были так же хорошо знакомы Мэнфилду, как, вероятно, и каждому Компьютеру Вечности.

— У меня зреет план, — произнес Твиссел, — великий план, пожалуй, безрассудно амбициозный. Я тебе не стану рассказывать о нем. Но мне бы хотелось, чтобы там, в самом низовремени, было на кого положиться. На человека надежного, профессио-

нального. Наставника. Вполне может стать, что дело и не выгорит, однако...

Мэнфилд не пытался разгадать его туманные намеки. Ему не терпелось удалиться. Ему поставили «чайник», и он стремился как можно скорее очутиться в тихих начальных секциях Вечности. Вероятно, там, в тишине и покое, он сумеет позабыть о своем тяжком преступлении.

Он уже забрался в «чайник», когда Твиссел напоследок потряс его руку и добавил:

— Ты помни, если когда-нибудь мне понадобится твоя помощь, то...

— Я запомню, — пробормотал он, с трудом скрывая нетерпение. — Я вечно буду вам благодарен, Компьютер.

Но он позабыл.

Не до конца, разумеется. Шли физиогоды, но он так и не забыл, что в свое время занимал пост Компьютера. Он не забыл той ужасной ночи, не забыл прощения, которое подал следующим утром. Он не

забыл даже, что именно Твиссел пришел ему на помощь.

Однако он позволил себе позабыть о туманных намеках Твиссела, что поддержка, оказанная им Мэнфилду, основывалась не на соображениях гуманности и симпатии, а на чисто практическом расчете. Он позабыл — или, точнее, ни разу не вспомнил — о том, что согласился когда-нибудь оказать Твисселу ответную услугу.

И даже когда Твиссел отправил ему в низовремя сообщение с просьбой принять в класс Бринсли Шеридана Купера, а затем добавил, что интерна следует всесторонне подготовить в области первобытной истории, Мэнфилд не встревожился. Ему и в голову не пришло, что Твиссел именно такое развитие событий и предвидел, когда помог Мэнфилду устроиться Наставником в 28-е.

Мэнфилд считался крупным экспертом по первобытной истории и не нашел ничего необычного в том, чтобы к нему послали студента для обучения именно в этой области.

После отбытия Купера в 575-е не прошло и двенадцати часов, как Мэнфилда вызвал Твиссел. Он спокойно прошел в кабину хронофона.

Он даже осмелился запротестовать, выказав неприкрытое недовольство, когда Твиссел первым делом велел ему взять «чайник» и отправляться в 575-е. Он раздраженно заявил, что больше не считает себя Компьютером и не хотел бы никоим...

— Время тебя побери, человеке, — нетерпеливо рявкнул на него Твиссел, — ты бы до сих пор был Компьютером, не помоги я тебе тогда. А теперь ты мне нужен! Немедленно.

И тут Мэнфилд вспомнил.

— Я сейчас буду, — замогильным голосом отозвался он.

Мэнфилду потребовалось больше пятнадцати минут, чтобы уразуметь, чего же от него хотят. Сперва он подумал, что Твиссел так расстроился из-за нервного срыва у Техника (Мэнфилд слышал о Хоремме, которого за глаза прозвали «принцем Техников»).

Или, возможно, у него так медленно мозги ворочались оттого, что в новом окружении ему стало не по себе. За все эти годы, с тех самых пор, как отбыть в «чайнике» в низовремя 28-го, он ни разу не воз-

вращался вверх по Времени дальше, чем в 40-е, и то лишь для периодических экспедиций. А теперь он оказался глубоко в шестидесятом тысячелетии и предстал перед человеком, воплощавшим все ему ненавистное, все самое отвратительное. Не далее как в пяти столетиях... не далее как в пяти...

Он с натугой выбрался из разверзшейся под ним ямы воспоминаний и постарался сосредоточиться на словах Твиссела.

Голос старого Компьютера стал спокойнее, холоднее, и до Мэнфилда начало доходить подлинное значение услышанного. Его глаза сжались в щелки. Стремление поскорее возвратиться в склеп, возведенный им для себя в 28-м, ослабевало, пока он слушал рассказ.

Наконец он проговорил:

— Компьютер, а санкционировано ли Всевременным Советом перемещение «чайника» через нижнюю...

Твиссел с явственным отвращением отряхнул руки.

— Да при чем они тут? Мы, я и Хоремм, построили этот «чайник» с определенной целью. К несча-

стью, оказалось, что у Хоремма и своя цель есть. К несчастью, я слишком на него положился. Мэнфилд, ты не был бы столь любезен перестать на меня смотреть вот с таким выражением? Теория перехода через нижнюю границу Вечности хорошо разработана, по очевидным причинам засекречена, но я все равно получил к ней доступ... Ну ладно, ладно. Нет, я *не* уведомил Всевременной Совет. А какое это имеет теперь значение?

— Тогда мне придется кое о чем рассказать *тебе*,
— произнес Мэнфилд.

— И какой в этом теперь смысл? Ты вообще понимаешь, *что* я говорю? Приближается конец Вечности.

Да, Мэнфилд вполне осознавал происходящее. Конец Вечности? Странная перспектива, и почти приятная. Возможно ли, чтобы его и всех Вечных постигла та же участь, какую они столько раз без колебаний отводили великому множеству других? Внезапно его заинтересовало: а сдвиг Реальности — это больно? Вправду ли воспоминания меняются незаметно? Не остается ли незакрытых швов? Что, если в чьем-то сознании удерживается призрачное видение исчезнувшей Реальности?

Он едва заметно усмехнулся. Ему показалось, что наконец-то появляется возможность искупить то давнее прегрешение, и он усмехнулся.

Твиссел завизжал:

— Не сиди тут с улыбочкой на лице, милейший мой Мэнфилд. Ты вообще понимаешь, что я тебе говорю?

— Понимаю, но...

— Но ты в шоке от того, как я посмел проигнорировать Совет. Не так ли? Послушай, Мэнфилд. — Твиссел заговорил с яростной убежденностью. — Я вынужден был обойтись без их санкции. Это моя идея, полностью моя. Я не мог себе позволить проволочки и согласования. И даже так, прошло больше десяти физиолет. Мне сейчас шестьдесят пять. Никто не знает, сколько времени понадобится Куперу для завершения миссии. Десять лет? Пятнадцать? Я хочу сам его встретить, когда он вернется. Я хочу, чтобы у меня появилась возможность сказать: *это я*, и никто другой, сотворил Харви Мэллона. Я, и никто другой, стал истинным творцом Вечности. Я хочу, чтобы я мог это сказать; я хочу, чтобы Вечные об этом узнали. Тогда я смогу умереть спокойно.

Твиссел бурлил энергией, но плоть его явственно подводила; руки тряслись, бледные губы дрожали. Мэнфилда шокировала мысль: *Он стар. Как он стар.*

Он почему-то ощутил себя виноватым.

— Чего ты от меня хочешь? — произнес он, не ожидая вменяемого ответа.

— Ты знаешь Купера. Ты знаток первобытной истории. Найди его.

Мэнфилд покачал головой.

— Как? Где его искать? Как его искать? Компьютер, подумай, почему бы не послать еще кого-нибудь в 24-е? Есть ведь копии чертежей темпорального генератора Мэллона, должны быть. А когда Купер осознает, что его забросило не в то столетие, и домой возврата нет, он и так уже будет по горло сыт Компьютерами и Вечными, чтобы оценить опасность квантовых изменений и избежать...

Твиссел вскипел.

— Дурак! Идиот! Мальчишка способен навлечь на нас квантовое изменение, сам того не желая, даже

не осознавая, что творит. К тому же послать кого-то другого невозможно.

— Почему?

Твиссел мученически воззрился на Мэнфилда.

— Потому что Купер — не посланец к Мэллону. Он *и есть* Мэллон.

— *Что?!*

— Бринсли Шеридан Купер — это Харви Мэллон, изобретатель темпорального поля и отец Вечности.

— Но это же невозможно!

— Ты так думаешь? *Ты* так думаешь. Твоя специальность — первобытная история, и ты так думаешь. Почему дата рождения Мэллона так никогда и не была установлена? А что, если он вовсе не родился в 24-м? Почему осталась неизвестной точная дата его смерти, почему нет никаких записей на этот счет? Разве не может быть так, что, выполнив свою миссию, он вернулся в Вечность? Только не начинай про парадоксы.

Мэнфилд качал головой.

— Я не ребенок. Я не собираюсь заводить разговор о парадоксах. А Куперу ты об этом рассказал?

— Я должен был кое-что ему открыть, да. Но постарался рассказать как можно меньше. Для оптимальных результатов важно, чтобы его мнение на сей счет оставалось как можно более расплывчатым. История первобытных столетий фиксирована, там существует только одна Реальность, которой ему придется следовать. Если бы я ему рассказал, он бы очутился в 24-м с предубеждениями, которые могли бы помешать его быстрой адаптации там. План состоял в том, чтобы он пустился на поиски Мэллона и не обнаружил его. Он бы запаниковал, в отчаянии назвал Мэллоном, сам бы обнародовал схемы темпорального генератора и тем замкнул бы круг. Так наверняка и произошло. Это и по историческим записям практически очевидно. Ты же помнишь, Мэллон с большой неохотой согласился продемонстрировать свой генератор на публике, а статьи опубликовал лишь пару лет спустя. Мы привыкли приписывать это скромности величайшего гения, но это не так. Купер просто не знал, что делать.

— Если первобытная Реальность фиксирована, — произнес Мэнфилд, — это тоже должно быть в ней отражено. А если Мэллоном был не Купер, но его правнук? Купер мог бы передать по наследству чертежи и...

— Нет. Нет. *Нет!* Ошибка закралась в самой Вечности. Хоремм, нарушая работу установки, действовал не в первобытной эпохе, а здесь, в Вечности, где Реальность изменчива. Купер очутился там, где его быть не должно. Это я гарантирую. И в любой момент Времени, в любой момент физiovремени на нас может обрушиться квантовое изменение — а это конец всему.

Мэнфилд отозвался неторопливо, задумчиво:

— А если так, то, может, оно и правильно, и желательно?

Твиссел рявкнул:

— Без шуточек!

— Шуточки? Какие шуточки? Вся концепция Вечности зиждится на предположении, что людям, обычным людям, можно доверить жизни и Реальность человечества.

— Не людям, — сказал Твиссел с явственным трудом. — Мы лишь операторы вычислительных машин.

— Так ли это? Разве вычислительная машина десять лет трудилась над проектом, который Вневременным Советом не то что не санкционирован и не поддержан, а и вовсе остался ему неизвестен? Разве вычислительная машина вмешалась в работу «чайника» с пониманием, что эти действия способны погубить Вечность? Если таким, как вы с Хореммом, нельзя доверять, то кому же из Вечных — можно, а, Компьютер? А если Вечным нельзя доверять, то какой толк от Вечности?

— Мэнфилд, Мэнфилд, у нас нет времени на дешевые философские споры. Тысячи Вечных посвятили свои жизни служению идеалам Вечности, не дав никакого повода в себе усомниться. Например, ты. Ты среди них.

Мэнфилд покачал головой и ответил:

— Не я. Я преступник, и любой Вечный мог совершить то же.

Горящие глаза Твиссела впились в него.

— Каким образом? Рассказывай! Только быстро.

И вот Мэнфилд, глядя в лицо другому Вечному, чувствуя в нем сходную вину за преступление, начал наконец каяться в своем грехе.

Преступление, как и у Хоремма, спровоцировала женщина. Это не случайно. Это практически неизбежность. Вечные, променявшие семейную жизнь на рулончики перфокарт, особенно уязвимы к такого рода соблазнам. Или же, подобно Твисселу, к пренебрежению элементарными мерами безопасности, к мелким проявлениям тщеславия, вроде показного пристрастия к курению табака в обществе, где не курил почти никто, и к более серьезным, вроде амбициозных затей, способных в случае провала уничтожить Вечность.

Мэнфилд вспоминал ту женщину с любовью и болью в сердце. Она была ласкового нрава, умна. Будь он времянином, с гордостью взял бы ее в жены. Не все Вечные (которым разрешалось вступать в брак только с одобрения Компьютеров) были так удачливы в своем выборе. Но его отношения с ней затуманивались сведениями, которыми располагал он и которые, по очевидным причинам, не были ей доступны. В Реальности ее физиовремени она обречена была умереть юной. Если точнее, то в течение года после начала их связи.

Он изначально отдавал себе в этом отчет. Впервые ощутив к ней влечение (сперва как к индивиду в отчете о Наблюдениях в 570-м, затем, влекомый любопытством, после встречи и беседы в ходе неза-

планированного, однако вполне легального личного Наблюдения), он построил график ее жизни.

Он не доверил расчет Графистам. Он выполнил его сам, предосторожности ради. Он узнал о ее скорой кончине и в первый момент, как теперь со стыдом припомнил, обрадовался. Это значило, что вероятность квантового изменения, привнесенного их связью, скорее всего пренебрежимо мала. Он проверил. Так и вышло.

Он навещал ее при первой же пространственно-временной возможности. Ее дружелюбие превосходило все ожидания, он чувствовал себя все уверенней и счастливей. Всевременные Советники, которым он представил свой расчет, не препятствовали.

Пока что никаких преступлений он не совершил.

Но затем эмоциональное удовлетворение переросло в нечто большее. Неминуемая смерть подруги перестала казаться ему удачным стечением обстоятельств, а начала беспокоить. Трижды, в разрозненные моменты физиовремени, он мог бы одним простым поступком изменить ее личную Реальность. Но он понимал, что подобное самоуправство в личных целях ему не простят. Ее смерть на его ответственности, ему предстоит познать урок вины.

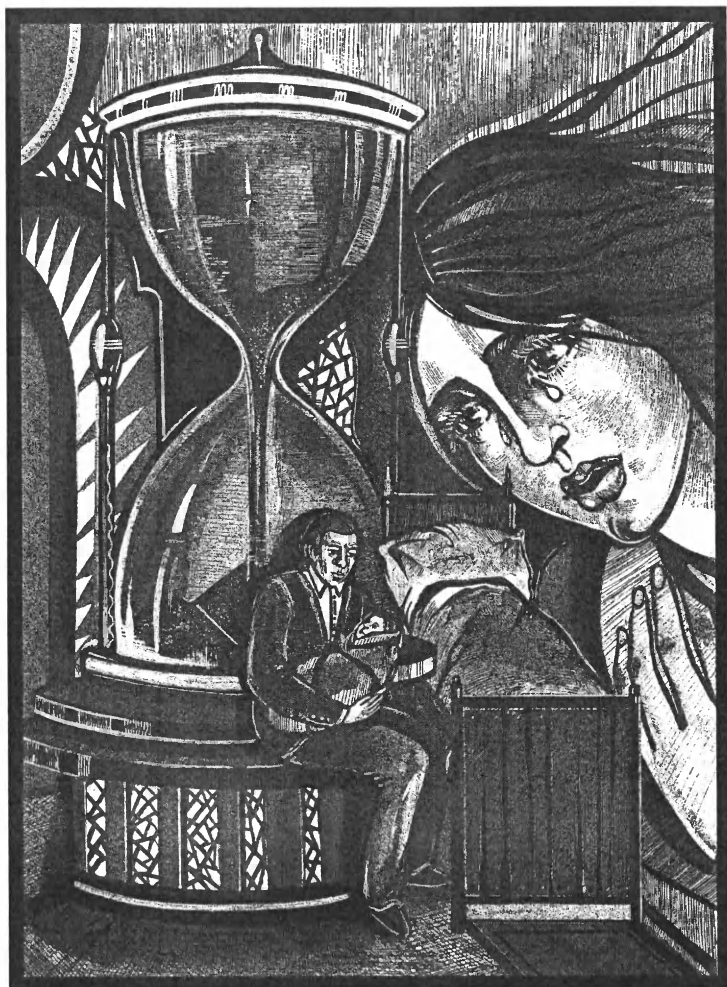
И это тоже еще не было преступлением, хотя он подошел опасно близко.

(Так сказал Твиссел, немного отвлеченный рассказом от нависавшей над ними опасности, и оставил сигарету догорать. Мэнфилд покачал головой и тихо произнес:

— Тебе не понять.)

Он ничего не предпринял, обнаружив ее беременность. Диаграмма Жизни, модифицированная с учетом данных о связи с Мэнфилдом, показывала высокую вероятность такого развития событий. Обыкновенно беременность считалась нежелательной, но иногда временкам позволялось зачинать детей от Вечных. Это не было чем-то из ряда вон выходящим. Но поскольку Вечный не мог иметь детей, беременности прерывались — эффективно и безболезненно. Множеством способов.

Мэнфилд ничего не предпринимал. Она была счастлива в своей беременности, и он не стремился ее разочаровывать. Он понимал, что она умрет, не выносив плода, и потому лишь наблюдал за ней затуманенным взором, слушал ее торжествующие возгласы каждый раз, как внутри шевелилась жизнь, и улыбался болезненной улыбкой.

Мэнфилд не совершил этим преступления, но допустил бездействие; а бездействие порою граничит с преступлением.

Ибо женщина разрешилась от бремени преждевременно. Такого Мэнфилд не предвидел. В таких аспектах жизни он был неопытен и о возможности преждевременных родов не задумывался.

Но как такое могло произойти, если на Диаграмме Жизни, которую он сам рассчитал, никаких указаний не было? Он вернулся к расчетам и обнаружил живого ребенка — в альтернативном решении, на маловероятной «вилке». Он ее проглядел. Профессиональный Графист, скорее всего, не проглядел бы.

И что Мэнфилду оставалось делать?

Убить ребенка он не мог. Мать должна была умереть две недели спустя. Пускай проведут это время вместе, решил он. Две недели счастья — не такой большой срок.

Мать умерла — так, как было рассчитано, в рассчитанный момент. Мэнфилд (в дозволенный пространственно-временной диаграммой миг) сидел в ее комнате, терзаясь печалью тем горшей, что уже

более года ожидал этого. И баюкал на руках ее сына. Его сына.

(Твиссел воскликнул с нескрываемым ужасом:

— *Ты оставил его в живых?!*

— Тебе не понять, — ответил Мэнфилд.

— Но это же преступление.)

Да, это было преступление. Но не то, о котором он хотел поведать.

Он сохранил ребенку жизнь. Он оставил его на попечении соответствующей организации и при каждой возможности (в строгой темпоральной последовательности, синхронизированной даже с физиовременем) возвращался, чтобы вносить платежи и наблюдать за взрослением сына.

Прошло два года. Время от времени он проверял Диаграмму Жизни мальчика, убеждаясь, что никаких квантовых изменений не предвидится. Хорошая была Диаграмма, и Мэнфилд имел основания гордиться. Ребенок научился ходить и неуверенно произносить несколько слов. Никто не учил его называть Мэнфилда папой. Какие бы догадки насчет мужчины крепкого сложения, платившего за маль-

чика, ни возникали у времен-сотрудников детского приюта, те оставляли их невысказанными.

Затем, по прошествии двух лет, Всевременному Совету представили запрос на квантовое изменение, которое должно было краем зацепить 570-й век, и Мэнфилд, к тому времени получивший должность Адъюнк-Компьютера, был назначен ответственным за него.

Гордость смешивалась в его душе с тревогой.

(— Так и должно было случиться, — заметил Твиссел. — Дети суть заложники Времени.

Мэнфилд покачал головой, раздраженный этим трюизмом.)

Он взялся за проект квантового изменения и с блеском проработал его. Но тревога нарастала. Он поддался искушению, с которым, как понимал в глубине души, ни за что не совладает. Он отложил уже готовый расчет и составил новую Диаграмму Жизни для своего сына.

Так он совершил второе преступление, не менее тяжкое, нежели первое. И все же не то, о каком он хотел поведать.

Он просидел в кабинете двадцать четыре часа без еды и сна, сражаясь с результатами расчета Диаграммы Жизни и со слезами на глазах отчаянно доискиваясь ошибки.

Ошибки не было.

На следующий день, по-прежнему задерживая проект квантового изменения, он быстро составил для себя пространственно-временной график и вышел во Время более чем на тридцать лет позже рождения своего сына.

Так он совершил третье преступление, более тяжкое, чем первые два. И все же не то, о каком он хотел поведать.

Его сыну было тридцать четыре, столько же, сколько и самому Мэнфилду. Он не знал своего отца, не помнил крепкого мужчины, который навещал его в младенчестве.

Он работал авиационным инженером. В 570-м столетии были как следует налажены с полдюсятка разновидностей воздушного транспорта, и сын Мэнфилда вел счастливую, продуктивную жизнь. Он женился на девушке, которую любил всем сердцем, но Мэнфилду было известно, что детей им завести не суждено.

(— Ну, хоть так, — прокомментировал Твиссел и бросил окурок в мусороприемник.

— Я же тебе сказал, что рассчитал его Диаграмму Жизни с поправкой на квантовое изменение. Я тогда не совсем голову потерял.)

Мэнфилд провел день со своим сыном. Он притворялся, что прибыл по делам бизнеса, говорил официально, улыбался вежливо и расстался спокойной. Но втайне он наблюдал за каждым движением своего сына, впитывал каждую частичку его облика, переливал в себя и проживал со всей отдачей единственный день Реальности, которая завтра (по физиовремени) должна была прекратить свое существование.

Он вернулся в Вечность и провел еще одну, последнюю, ночь в жутких терзаниях, в безуспешных поисках выхода. На следующее утро он представил Всевременному Совету свои расчеты и прошение о переводе на другую должность.

— И ты, Компьютер, помог мне, — заключил Мэнфилд.

Твиссел произнес:

— Насколько я понимаю, твоего сына в новой Реальности не оказалось?

— Почему же, — медленно проговорил Мэнфилд, — он жив. Он существует. В четырехлетнем возрасте его парализовало по рукам и ногам. Сорок два года он провел прикованным к постели, при обстоятельствах, не позволяющих даже помышлять о технике регенерации нервов из 900-х. Я сотворил это со своим собственным сыном. Мой разум и мои вычислительные машины рассчитали его новую жизнь, и мое слово дало ход изменению. Я совершил несколько преступлений, но именно *это* преступление положило конец моей карьере Компьютера.

9

Паника унялась, и Твиссел все сильнее укорял себя за то, что вообще поначалу поддался ей. Он тут же начал действовать, послал за Мэнфилдом, но затем дал вывести себя из равновесия: этому поспособствовала сперва заторможенность мышления Мэнфилда, а затем невротическое нежелание помогать, проявленное им.

Лишь когда Твиссел осознал, что за мрачной замкнутостью Мэнфилда кроются застарелые терзания личной вины, ему стало ясно, что инициативу пора перехватывать. Он позволил Мэнфилду выговориться, но, снова почувствовав уверенность, не торопил собеседника. Тянулись минуты. Когда Мэнфилд закончил рассказ, к Твисселу уже вернулась способность смаковать сигареты.

Он не спешил нарушать молчание. Прошло еще некоторое время. Катарсис признания выдавливал из Мэнфилда остатки давней вины.

Само собой, Твиссел, как Компьютер, разбирался в психотехнике. Интеллектуально, если не эмоционально, он способен был проследить пути разума Мэнфилда. Случившееся явилось аналогом прорыва фурункула. Твиссел подумал, что психотехникам в свое время нужно будет предоставить собственный ранг специалистов Вечности.

Наконец он тихо произнес:

— Если Вечности придет конец, твоя трагедия воспроизведется бесчисленное число раз, с участием неведомых тебе мужчин и женщин. Ты можешь предотвратить подобное.

Он выдержал паузу и продолжил:

— Тебе знакома первобытная история. Ты знаешь, что она собой представляла. В ту пору Реальность слепо следовала линии максимальной вероятности. За столетия физиовремени, прошедшие с момента основания Вечности, мы обеспечили нашей Реальности неслыханное в первобытные времена благополучие, но тем самым перевели ее на уровень, который без нашего вмешательства имел бы ничтож-

но малые шансы на реализацию. — Твиссел прищурился, наблюдая за молчаливым Мэнфилдом. — Если Вечности не станет, миллион лет человеческой истории мгновенно возвратится в изначальное состояние: дикости, невежества, равнодушия, убийств, нищеты. Ты, как профессионал в этой области, лучше моего осознаешь, что это значит, и решимости предотвратить это у тебя должно быть больше, чем у меня за всю мою жизнь.

Мэнфилд вскинул голову.

— Но что я могу сделать?!

Он сдался, и Твиссел это понимал. Почувствовав перемену в настроении собеседника, он тут же снялся с места и подскочил к панели управления «чайником», отправившей Купера к началу Вечности.

— Мэнфилд, подойди сюда.

Твиссел потерял в сумме час физиовремени, но за этот час купил себе шанс на спасение. Он не позволял себе отвлекаться на раздумья о том, сколь невелик может оказаться этот шанс.

Он испытывал возбуждение уже от того, что был чем-то занят.

— Вот темпоральный контроллер, — указал он. — Это своего рода реостат, изменяющий темпоральную длину, на которой действует механизм разгона «чайника». Знай я, как все обернется, добавил бы к его схеме фиксатор, устраняющий возможность изменить настройку после первоначальной, но... я доверил такие детали Хоремму. — Он усмехнулся перекосенным ртом. — Итак, Хоремм стоял вот здесь. Замыкая цепь, он крутанул лимб. Так он мне сказал. И, если вообще что-то можно утверждать насчет его эмоций, так это что он поворачивал одной рукой темпоральный регулятор, пребывая в спазме гнева и ненависти.

И при этих словах, когда на лице самого Твиссела отобразились сходные эмоции, его рука ухватила за фарфоровый регулятор и яростно крутанула его.

— Что он показывает? — выдохнул он неслышно.

Мэнфилд склонился над панелью управления.

— Где-то в 20-м. Так-так, тысяча девятьсот...

— Нет нужды снимать точные показания, — сказал Твиссел. — В лучшем случае это приблизительная аппроксимация.

Он сунул в рот сигарету и взгляделся в Мэнфилда через дымное облачко.

— Мэнфилд, что тебе известно о 20-м столетии?

Наставник пожал плечами.

— Но ты ведь изучал его, — сказал Твиссел.

— А, да.

— Ну ладно. Представь себя на месте Купера. Он умный паренек; интеллектуально одаренный, с пытливым умом и воображением. Не так ли?

— Да, он весьма одаренный молодой человек.

— И он Вечный. Это важно. — Твиссел поднял палец и наставительно покачал им в воздухе. — Это самое важное. Ему привычна идея межвременной связи. Он едва ли будет раздавлен осознанием, что затерялся во Времени. Он поймет, что мы будем искать его.

— Да, Компьютер, но как же мы можем помочь ему?

Морщинистое старческое личико Твиссела уставилось на Мэнфилда. Морщины заходили ходуном.

— А есть ли какой-нибудь предпочтительный источник информации о 20-м, которым вы пользовались при изучении этого века? Любые документы, архивы, пленки, артефакты, справочные работы? Я имею в виду первоисточники, восходящие к самому этому Времени.

— Естественно.

— И он изучал их вместе с тобой?

— Да.

— Тогда логично предположить, что он попытается внедрить в один из этих источников, в тот, о котором ему точно известно, что *ты* привык с ним работать, — какую-нибудь информацию о себе?

— Это слишком натянуто.

— Возможно, — тут же признал Твиссел, — но что ж нам еще остается? Если он ничего не сделает, нам крышка, нам смерть, с нами покончено. У нас единственный шанс: исходя из предположения, что он таки предпринял что-нибудь, попытаться восстановить ход его мыслей. Вот поэтому ты мне нужен. Впервые, ты лучше всех знаешь его самого. Пять лет ты с ним занимался. Во-вторых, именно к тебе он

автоматически потянется: если кого-то он знает и любит в Вечности, так это тебя. В-третьих, ты и только ты знаешь, куда смотреть; ты и только ты способен распознать его сообщение.

Мэнфилд ответил, тревожно покачав головой:

— Но я не знаю, *куда* смотреть.

— А ты спроси себя: есть ли такой предпочтительный источник, с которым вы провели больше всего времени при занятиях историей 20-го? Существует ли некая форма записи информации, которую Купер автоматически соотнес бы с 20-м? Подумай, пожалуйста. Это наш единственный шанс.

Он ждал, крепко сжав губы.

Мэнфилд проговорил:

— Периодические издания. Явление, характерное для начала второго тысячелетия⁵. Одно из них оказалось особенно полезным. Первые выпуски датируются 1923-м. Конечно, его могло забросить и дальше...

— А могло и не забросить. Мэнфилд, нужно с чего-то начать.

⁵ Так в оригинале.

— ... и значительную часть 22-го столетия.

— Отлично. А какой способ, по твоему предположению, мог бы он использовать, внедряя такую информацию в издание? Помни, он знает, что ты прочитаешь его, что ты привычен к такому источнику и поймешь указание.

— Не знаю... — снова покачал головой Мэнфилд. — Стиль этих изданий был довольно искусственным, охват информации — выборочным, а не всеобщим. Трудно или даже невозможно было полагаться на них как на средство публикации заказного материала. Даже если Купер, что весьма маловероятно, сумел каким-то образом устроиться в такой журнал, точная формулировка все равно потребовала бы утверждения редакторами. Не знаю, Компьютер.

— Временем тебя заклинаю, напряги мозги! — вскричал Твиссел. — Сосредоточься на этом журнале. Ты в 20-м. Ты — Купер, у тебя его знания и опыт. Ты был Наставником парня, Мэнфилд. А также — Компьютером с навыками психотехника. Что бы он предпринял? Как бы он поступил, желая поместить свое сообщение в журнал без малейших изменений словесной формулировки?

Глаза Мэнфилда расширились.

— Рекламное объявление!

— Что?

— Объявление. Платное извещение, которое публиковали точно в представленном заказчиком виде.

— Ах да. В 182-м нечто подобное практикуется.

— Полагаю, реклама известна во множестве эпох, но 20-е столетие, несомненно, отмечено пиком ее развития, — Мэнфилд, казалось, оседлал любимого конька. — Более того, 20-е во многих аспектах представляет собой пик всей первобытной эпохи. Культурное разнообразие...

— Мэнфилд, умоляю, не сейчас. Вернемся к этой рекламе. На что она может быть похожа?

— Не имею ни малейшего понятия, Компьютер.

Твиссел уставился на тлеющий кончик сигареты, точно искал в этом зрелище вдохновения.

— Он не может изъясняться прямо. Не может сказать: Купер из 28-го вызывает Вечность...

— Может.

— Если не дурак, то не станет, а он не дурак. Он бы спровоцировал этим квантовое изменение.

— Скорее бы его арестовали и заключили в психиатрическую лечебницу. В первобытные времена с этим было сурово, любые намеки на возможность перемещения во Времени считались проявлением безумия.

— Хорошо, значит, не прямое уведомление. То, что покажется вполне обыденным людям этого столетия. Вполне обыкновенным. И все же бросится нам в глаза. Сразу бросится. С первого взгляда, поскольку оно должно сразу же заявлять о себе среди бесчисленных индивидуальных фрагментов данных. Как велико оно может быть, Мэнфилд? Эти объявления стоили дорого?

— Журнальная реклама стоила прилично, да.

— Да в идеале, — проговорил Твиссел, — оно и должно быть достаточно маленьким, чтобы не привлекать лишнего внимания. Подумай, Мэнфилд. Как велико?

Мэнфилд показал руками:

— Полколонки?

— Хорошо. Примем это за первое приближение. Ищи объявление шириной в полколонки, которое почти с первого взгляда указало бы, что его публикатор прибыл из другого Времени, но вместе с тем для обитателей той эпохи выглядело бы совершенно нормально, и они бы ничего странного в нем не заметили.

Наставник отозвался:

— А если не найду?

— Тогда мы подумаем над альтернативами. А если не получится, то еще что-нибудь придумаем, и еще что-нибудь, пока мы живы и пока существует Вечность.

Теперь паника, ранее охватившая Твиссела, казалась ему дурным сном. Он *действовал*, он *работал*. Его пытливый ум занимала погоня за разгадкой, а о возможных последствиях неудачи он и не помышлял.

Твиссел с любопытством рассматривал книги в библиотеке Мэнфилда. Время от времени — ему

было скучно ничего не делать — он брал какой-нибудь томик с полки, перелистывал шелестящие старые страницы, безмолвно шептал архаичные слова. Он владел диалектом третьего тысячелетия отнюдь не в таком совершенстве, как утверждал на публике, но достаточно, чтобы понимать смысл отдельных сочетаний и даже некоторых предложений.

— Это и есть английский, о котором все время толкуют лингвисты, не так ли? — спросил он, постукивая пальцем по странице.

— Английский, — пробормотал Мэнфилд.

Твиссел никогда прежде не спускался так далеко в низовья. Даже у Вечности тут был замшелый вид, словно и не Вечность это вовсе, а какая-нибудь продвинутая первобытная эпоха.

Возможно, виной тому было само пребывание в библиотеке. Твиссел имел дело с несколькими эпохами книгопечатания. Его собственное столетие, впрочем, предпочитало пленки, как и большинство других веков. В других пользовались записью на молекулярном уровне. Все же книги не полностью вышли из моды, лишь прослыли чем-то экстравагантным, но не отталкивающим.

Но в таких количествах...

Даже в секциях Вечности, соответствующих книгопечатным эпохам, информацию записывали на пленки или молекулярные носители, пускай и в основном из соображений экономии места.

Твиссел покосился на Мэнфилда. Наставник сидел за столом с лампой, его крепкие плечи сгорбились, каштановые волосы так взлохматились, что закрывали всю голову.

Его архаизм целенаправлен, подумал Твиссел. Он *предпочитает* книги. Он прячется во вселенной фиксированной Реальности. Это его система безопасности.

Но ему было скучно задерживаться на одной мысли долго. Он взял с полки другую книгу, открыл ее наугад: что, если сейчас перелистнуть страницу, и там... там...

Мысленно пристыдив себя, он сунул томик на место.

Мэнфилд перелистывал страницы методично, двигая только одной рукой; остальное его тело напряглось в концентрации.

С казавшимися вечностью интервалами Мэнфилд поднимался и, кряхтя, шел за новым томом. В этих случаях они делали перерыв на кофе, бутерброды или что-то еще.

Мэнфилд проговорил мрачным голосом:

— *Тебе* незачем тут оставаться.

— Я тебе мешаю?

— Нет, конечно.

— Тогда я останусь, — и Твиссел, чувствуя холод одиночества, возобновил спорадические, неумелые и бессмысленные, вылазки по книжным полкам; он не переставал яростно курить, а искорки от выбрасываемых сигарет обжигали ему пальцы.

Физиодень подошел к концу.

Твиссел беспомощно проговорил:

— Их слишком много. Должен быть другой способ.

Мэнфилд отозвался:

— Назови его. Я не могу пропускать ни одной страницы.

— А сколько ты уже просмотрел?

— Девять томов. Четыре с половиной года.

Твиссел сказал:

— Он должен был появиться на краю североамериканской Юго-Западной пустыни. Это место было выбрано умышленно, поскольку население там весьма незначительное даже в 20-м. По крайней мере, я так думаю.

Мэнфилд с отсутствующим видом кивнул и перелистнул очередную страницу.

— Мы хотели, чтобы он некоторое время провел в уединенном месте, акклиматизировался. У него порядочный запас провианта и воды. Он наверняка осторожничает. Вероятно, прошло бы много дней, прежде чем он бы посетил более населенный район, где вероятность спровоцировать квантовое изменение высока. У нас, возможно, еще недели в запасе. — Он был отнюдь не уверен, что это так, но повторил: — У нас, возможно, еще недели в запасе.

Мэнфилд методично перелистывал страницу за страницей.

— В конце концов, — констатировал он, — шрифт начинает расплываться перед глазами. Это значит, что пора спать.

Закончился второй физиодень.

В 10:22 третьего дня Мэнфилд тихо, изумленно произнес:

— Вот оно.

Твиссел не понял его.

— Что?

Мэнфилд поднял голову. На его лице была изумленная улыбка.

— Ты знаешь, я до конца не верил в эту затею. Клянусь Временем, я так до конца в нее и не поверил, хотя мы и поставили все на кон в этой канители с журналами и объявлениями.

До Твиссела наконец дошло.

— *Ты нашел объявление.*

Он ринулся к томику в руках Мэнфилда и вцепился в него трясущимися пальцами.

Но Мэнфилд отобрал у него том, хлопнул на столешницу и выделил пальцем небольшое объявление в верхнем левом углу.

Оно было несложно для понимания.

АНАЛИЗ РЫНКА ТОРГОВЛЯ АКЦИЯМИ ОТВЕТСТВЕННЫЙ МАКЛЕР

Ниже более мелким шрифтом значилось:

*Новостная рассылка для инвесторов, а/я 14,
Денвер, Колорадо.*

— Анализ рынка? — непонимающе повторил Твиссел.

— Фондового рынка, — нетерпеливо бросил Мэнфилд. — Это система инвестиции частных средств.

Не в том дело. Ты что, не заметил, на каком фоне размещено объявление?

— Разумеется, — ответил Твиссел, хмурясь. Какой бы он был Компьютер, если б не узнал грибовидного облака. Три четверти квантовых изменений Реальности диктовались необходимостью стереть из истории атомное и термоядерное оружие так, чтобы при этом уцелели остальные отрасли атомной науки.

Компьютер добавил:

— Это атомная бомба. И всё? Да, рисунок не имеет ничего общего с содержанием объявления, но ведь тебя не это несоответствие привлекло? — Он почувствовал горечь неудачи. — Всего лишь способ привлечь внимание...

— Привлечь внимание! Время тебя порази, Компьютер, да посмотри ты на дату выхода этого номера.

Он указал на колонтитул страницы. 28 марта 1932 года, тридцатая страница.

— 1932-й! — воскликнул Мэнфилд. — А первый взрыв атомной бомбы произошел в июле 1945-го.

— Ты уверен?

— Я *знаю* эту эпоху. Я абсолютно уверен! До июля 1945-го ни один человек никогда не видел грибовидного облака крупномасштабного взрыва атомной бомбы. Никто не мог бы с такой точностью воссоздать его в рисунке, кроме...

— Это же всего лишь узор, — Твиссел пытался сохранять самообладание. — Возможно, случайное сочетание линий, которые лишь напоминают грибовидное облако.

— Правда? А если перечитать объявление? — Мэнфилд постучал пальцами по коротким строчкам. — Анализ рынка. Торговля акциями. Ответственный. Маклер. Первые буквы каждой строчки слагают слово АТОМ. Совпадение? Ничуть. Ты разве не видишь, как идеально отвечает эта реклама твоим же собственным критериям? Она мгновенно привлекла мое внимание. Она привлекла бы внимание любого Компьютера, но в особенности мое, поскольку я с первого взгляда бы осознал, насколько невероятно, чтобы автором этого объявления оказался кто-то еще, кроме Купера. И в то же время никакого подспудного смысла для людей той эпохи оно нести не может. Это Купер, Компьютер Твиссел. Он нас вызывает, и я отправляюсь ему на выручку. Мы знаем день. Мы знаем почтовый адрес. И я дос-

таточно хорошо изучил этот период, чтобы чувствовать себя там в безопасности.

У Твиссела ноги подкосились. Он с благодарностью оперся на протянутую Мэнфилдом руку.

— Осторожно, Компьютер.

— Все в порядке, — бросил Твиссел. — Пошли.

10

События следующего дня в нескольких аспектах оказались даже более необычны. Никто, кроме Твиссела (предельно своевольного Твиссела), не сумел бы так закоротить «каналы», так нагрузить основные расчетные линии вычислительных машин, так решительно проигнорировать возражения шокированных операторов, в чью работу он вмешался.

Никто, кроме Твиссела, не сумел бы всего этого совершить, и никто, кроме Твиссела, не смог бы организовать все так, чтобы «чайник» с необходимыми поправками можно было отправлять уже через двадцать четыре часа.

В довершение всего Твиссел наплевал на негласный уговор Вечных соблюдать физиовремя.

Мэнфилду, уже облачившемуся в уместное для той эпохи одеяние, он почти без сил прошелестел:

— Никакого промежуточного физиовремени. Я отключаю радиохрон.

— Хорошо, — спокойно отвечал Мэнфилд. Он оправил на себе неудобную одежду 225-го столетия, которую счел достаточно схожей с костюмами 20-го, чтобы сэкономить время на кройке и шитье нового.

— Меня не интересует, сколько времени тебе потребуется — день, месяц или десять лет. Меня не интересует, сколько времени проведет там *он*. Ты вернешься сию же минуту, как только активируешь темпоральное поле на дальнем конце. Я не могу себе позволить ожидание в физиовремени. Ты понял?

Мэнфилд кивнул. Это значило, что в том маловероятном случае, если его поиски растянутся на десять лет, он вернется в Вечность, став на десять лет старше других Вечных. Неприятная с психологической точки зрения перспектива. Но он лишь кивнул.

Он застегнул последнюю пуговицу и сказал:

— Я готов.

Твиссел, чувствуя, как отчаянно бухает сердце, трясущимися неловкими руками перевел рычаг в нужное положение.

«Чайник» не двинулся с места.

Вернее сказать, он исчез и вернулся сей же миг, так что никакого субъективно ощутимого промежутка в его присутствии не осталось.

Фактически единственным указанием на то, что перемена произошла, стало появление рядом с Мэнфилдом (у которого вдруг сделался утомленный вид) Бринсли Шеридана Купера, который слегка отощал, но визуально старше не стал.

Твиссел отреагировал на нее самым что ни на есть неожиданным образом. Это было совсем не в его стиле, и тем не менее двое пораженно наблюдали, как Твиссел у них на глазах рыдает от искреннего облегчения.

Купер оставался в Вечности немногим дольше физиосуток. Все эти часы он казался немного удивленным, немного не в себе, словно так и не свыкся до конца с возвращением в Вечность.

— Если бы вы только знали, — повторял он снова и снова, — как я себя почувствовал, добравшись до газет. Сами понимаете, мне нужно было выяснить,

какой это день. Но оказалось, что я в 1931-м! Я подумал, с ума сойду.

— Но как тебе пришла в голову мысль подать объявление, мальчик мой? — спросил Твиссел. — Это же гениально.

— Я несколько месяцев не мог до этого додуматься. Если бы вы только знали... что я перепробовал... Я пытался вырезать надписи на камнях, но обнаружил, что не знаю, как это сделать без макилвейновского скальпеля. Потом стал размышлять, как бы в архивы пробраться. Два месяца я пытался найти работу в одной из правительственных типографий, но там у них какая-то особая государственная служба, а показать им свидетельство о рождении я, конечно, не мог. Вдобавок я угодил в разгар экономической депрессии. Мой запас слитков таял...

— Очутись ты двумя годами позже, — сухо прокомментировал Мэнфилд, — золото сослужило бы тебе дурную службу.

И начал объяснять Твисселу:

— В определенный период частное владение золотом у них было нелегально...

— В любом случае, — произнес Купер, — мне наконец явилась мысль о том журнале, с которым мы столько работали, Наставник Мэнфилд. Сначала я подумывал опубликовать там какое-нибудь сообщение на диалекте шестидесятого тысячелетия — ну, для Компьютера Твиссела. Но они не приняли к печати объявление, смысла которого не понимали, так что я попытался снова, на первобытном английском. Я знал, что Наставник Мэнфилд поймет. И в тот самый день, как объявление увидело свет, на почте меня ждала телеграмма Наставника Мэнфилда. Вот это да!

Твиссел обратился к юноше:

— Тебе снова придется покинуть Вечность. Ты понимаешь это, не так ли? Твоя работа еще не завершена.

— Ничего страшного, — жизнерадостно ответил Купер. — Теперь, после того, что я испытал, у меня не возникнет никаких трудностей. Когда я не обнаружил активности темпорального поля, необходимого для реактивации, я понял, что произошло несчастье. Я почувствовал себя таким *потерянным*... А в 24-м, по крайней мере, я буду знать, что могу вернуться. Клянусь Временем, да я сейчас настолько уверен в своих силах, что если не найду Харви Мэллона сразу, то еще подумаю, а не проще ли будет на-

зваться его именем и самому принести на Землю темпоральное поле. Итак, будьте уверены, *с вашей помощью* я справлюсь.

Над его головой скрестились взгляды Твиссела и Мэнфилда.

11

Они сидели вдвоем. Никого больше. Снова.

Твиссел задумчиво проговорил:

— Как знать, а вдруг именно так все и должно было обернуться?

— О чем ты? — спросил Мэнфилд.

— Ты же слышал его реплику насчет того, чтобы занять место Мэллона. И ты знаешь, что он это делает. Однако овладела бы им такая решимость, не очутись он прежде в 20-м столетии? Нашел бы в таком случае цикл завершение?

Мэнфилд мрачно подумал: *Ну вот, он уже старается загладить свою оплошность. Он пытается убедить себя, что эта ошибка вовсе не была*

ошибкой, но лишь очередным проявлением гения Твиссела.

Вслух он ответил:

— Почему нам знать?

— Я это *чую*. Даже Компьютерам иногда стоит полагаться на интуицию. Я убежден, что Купер принадлежал 20-му, равно как и 24-му. Первобытная Реальность нерушима.

— Неделью назад ты был иного мнения. Ты говорил, что изменение произошло в Вечности, а не в первобытной эре.

Твиссел пренебрежительно отмахнулся.

Мэнфилд настаивал:

— А и правда, почему нам знать? Представь, что Купер *изменил* Реальность. Мы бы изменились, наши воспоминания — тоже.

Твиссел фыркнул.

— Ничего не поменялось, я же тебе говорю.

— Почему бы и нет? Первоначально Купер предполагал дать объявление на языке шестидесятого тысячелетия. Разве не напрягло бы это Реальность? А потом вот это объявление, которое он смог протолкнуть. Сколько еще людей между 20-м и 24-м натыкались на него и удивлялись, что делает изображение грибовидного облака в журнале 1932 года? Представь, что кто-нибудь из них взглянул на первые буквы слов и составил из них английское слово, означающее атом. Купер там провел почти шесть месяцев. Я — почти два дня. За это время...

— Факт остается фактом, — упрямо отрезал Твиссел. — Ничто не изменилось. Почему ты упрямишься, отрицая это?

Плечи Мэнфилда понуро обвисли. Перед собой он лукавить не мог. Если Твиссел совершенно уверен, что изменений не произошло, то он сам, напротив, полностью убежден, что изменение имело место.

— Я надеялся, что... — Он помолчал.

— Ну?

— Я полагал, что изменение может оказаться незначительным. Микроскопическим, так сказать, но круги от него разойдутся по всему потоку Времени.

— Квантовые изменения значительны, — ответил Твиссел.

— Обычные квантовые изменения — да. Но кто знает, какова математика Реальности первобытных веков? Без Вечности там все иначе. Почему бы не сохраняться вероятности микроизменений?

Твиссел угрюмо произнес:

— Ты к чему клонишь?

— Почему бы не существовать новой Реальности, в которой мой сын жив, или такой, где его не существует? Все что угодно в этом роде...

Твиссел быстро перебил его:

— Ты не в состоянии этого установить. Тебе не следует больше играть со Временем. Как и мне. Хватит с нас. И так дров наломали.

И на миг в его глазах снова мелькнул ужас, будто перед ним снова разверзлась пропасть в конце Вечности.

Мэнфилд прошептал:

— Я не стану проверять этого. Никогда. У меня смелости не хватит.

Задумчивым движением он вставил сигарету между губ и прикурил, но тут же, заслышав резкий окрик Твиссела, вскинул голову в удивлении.

Твиссел рывкнул:

— Времени ради, ну бросай ты эту отраву смалить! Терпеть ее не могу.

Мэнфилд поспешно загасил сигарету и мысленно подивился себе. Да уж, зажечь сигарету в присутствии самого отъявленного табаконенавистника Вечности — изрядная вольность.

Ноздри Твиссела дернулись, унюхав задержавшийся в воздухе кисловатый дымок, и он проговорил:

— Мэнфилд, просто возьми и выкинь это из головы. Изменений в Вечности не произошло. Никаких изменений. Поверь мне на слово.

И он с омерзением воззрился на остатки сигареты.

Послесловие

Я привожу здесь только повесть, ведь представлять еще и роман было бы непрактично. Если вас интересует прямое сопоставление, а романа под рукой нет, то знайте, что издательство Ballantine недавно выпустило *Конец Вечности* очередным изданием в мягкой обложке. А я пока скажу несколько слов от себя.

В случае *Старей со мною вместе* я мало что изменил, переделывая повесть в роман *Камешек в небе*. Я мог использовать сюжетный костяк без особых модификаций, лишь поменял кое-что местами и детальней прописал несколько эпизодов.

Не так было с *Концом Вечности*: объем повести пришлось увеличить втрое. В этом случае я обходился с сюжетом куда вольнее.

Конечно, начал я с небольших изменений. В первых, я изменил имя персонажа Андерса Хорема на Эндрю Харлана. Почему? Я сам не знаю.

Некоторые читатели высказали предположение, что имя Харлан представляет собой отсылку на Харлана Эллисона. Такое тоже возможно. Я впервые встретил Харлана Эллисона в сентябре 1953-го, и он глубоко впечатлил меня, как впечатляет каждого.

Меня бы не удивило, назови я персонажа Эндрю Харланом в повести, работу над которой начал месяца через два после этой встречи; но нет, я назвал его Андерсом Хореммом. Почему же в таком случае я решил изменить его имя для романа?

Наиболее правдоподобное объяснение в том, что Хоремм — сравнительно второстепенный персонаж повести, а в романе — центральное действующее лицо; имя Хоремм ему совсем не подходило, оно ужасно. Для неприятного второстепенного персонажа сгодится, но не для главного героя. Когда приходится прибегать к таким небольшим изменениям, я стараюсь их еще умалить (сам не знаю, почему), поэтому Андерса я поменял на Эндрю, а Хоремма на Харлана.

Другой персонаж, уже более важный для повести, а именно Мэнфилд, из романа пропал. Или, точнее говоря, его роль в значительной степени отошла Твисселу. Что касается Нойс, то ее роль, напротив,

существенно расширилась, а история любви сделалась еще важнее для сюжета, чем была в повести.

Но что меня поражает, так это — при сравнении двух версий — то, как я не просто развел повесть водичкой, как был соблазн. В конце концов, если повесть и впрямь представляла собой сублимированный концентрат романа, ее достаточно было развести водичкой описаний и диалогов, а сюжет оставить в целом неизменным.

Я не стал так поступать. Памятуя о восторженном отзыве Брэдли и обнаружив, что требуется добавить еще целых 50 000 слов, я добавил кое-какие эпизоды, усложнил сюжет и в итоге добился такой же сюжетной напряженности, как в исходнике.

И да, финал. Перечитав повесть при подготовке этого сборника, я удивился, каким слабым у меня вышел изначальный финал. По крайней мере, он кажется слабым в сравнении с романским. В конце концов, повесть-то называлась *Конец Вечности*, но у меня духу не хватило (или, возможно, неприязни) покончить с Вечностью в повести.

Я решил, что в романе возьмусь за это дело основательнее, прежде всего потому, что у меня возникла идея каким-нибудь образом связать его с более ранними книгами, повествующими о взлете и

падении Галактической Империи. (Есть у меня такая слабость, пытаюсь все свои НФ-романы увязать в единое полотно, и по сей день она меня преследует.)

В любом случае, концовка романа получилась значительно сложнее и драматичней, чем в повести. В романе я (как зачастую при работе над романами) постарался приготовить читателям многослойные сюрпризы: снимаем одну обертку, обнаруживаем под ней следующую, пока не начинает казаться, что уж на этом теперь всё — и я вытаскиваю из рукава последнюю припрятанную карту. Прикольное занятие, но нелегкое.

Если говорить о *Конце Вечности*, то плотность романного сюжета пошла ему не только на пользу. Я показал роман Хорасу Голду, надеясь, что он оценит мою работу над первоначальным вариантом и согласится выпустить книгу сначала в журнальном варианте (в те дни это означало существенную прибавку к моему литературному заработку, около 1500 долларов). Однако Голд отверг роман так же резко и безоговорочно, как перед тем повесть. Кэмпбелл в *Astounding* также отказал. Издательство Doubleday попыталось пропихнуть роман еще в несколько журналов, но ничего не вышло. Для 1955 года, когда НФ все еще считалась жанровым отклонением, дос-

тоянием специализированных журнальчиков, результат неудивительный.

В итоге *Конец Вечности* так и не получил никакой журнальной версии. *Камешек в небе*, впрочем, тоже выпустили без предварительного разбиения на журнальные фрагменты, но затем дважды переиздавали в слегка сокращенном виде, для журнальных приложений Two Complete Science-Adventure Books (первый выпуск) и Galaxy Science Fiction Novels. *Конец Вечности* подобной повторной фрагментации не был удостоен.

И нельзя сказать, что критики встретили его единоклассным одобрением. Обыкновенно придирались к сложности текста. Дэймон Найт, скажем, остался недоволен начальными главами, которые его сбили с толку, а он за словом в карман не лез.

Даже Энтони Бучер, тогдашний редактор Fantasy & Science Fiction, необычайно приятный в общении человек и мой добрый друг, счел роман чересчур переусложненным.

Помню, как в 1955-м мы оба присутствовали на Ворлдконе в Кливленде. Там я был почетным гостем и одновременно церемониймейстером на вече-

ринке. К нам прицепился какой-то журналист, спросивший, о чем моя последняя книга.

— Это научно-фантастический роман под названием *Конец Вечности*, — ответил я.

Мне под нос сунули микрофон.

— Можете в нескольких фразах пояснить, о чем он?

Я замялся и что-то промямлил. Тони Бучер, хмыкнув, вмешался:

— Айзек, вот видишь, даже ты не можешь.

— Да нет же, Тони, — разозлился я, — могу. Меня просто врасплох застали. Пожалуйста, повторите вопрос.

Интервьюер повторил, и я описал суть сюжета в нескольких четких фразах.

Разошлась книга примерно таким же тиражом, как и другие мои романы 1950-х. Ее неоднократно переиздавали в мягкой обложке, перевели не менее чем на четырнадцать иностранных языков (включая русский и иврит), так что я не считаю ее неудачной.

Скорее недооцененной. Мне кажется, ее незаслуженно оттеснили в тень другие мои романы, об Академии и роботах. Возможно, когда-нибудь ей уделят надлежащее внимание, но это уж наверняка после моей смерти.

На обложке использована картина
с немецкого издания романа 1967 года

На второй странице
фотография Айзека Азимова
1950 года с книги изд-ва Даблдей

Количество знаков в книге: 157 530

Isaac Asimov
The Alternate Asimovs
1986, Doubleday, ISBN 0-385-19784-5

Зарубежная

фантастика

